

INSPIRIA

МАЛЕНЬКИЕ

ГРЯЗНЫЕ

СЕКРЕТЫ

Дженнифер
Хиллиер

INSPIRIA

Дженнифер Хиллиер
Маленькие грязные секреты
Серия «Ток. Преступления страсти»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68469563

Маленькие грязные секреты:

ISBN 978-5-04-177436-3

Аннотация

Четыреста восемьдесят пять дней назад у Марин украли сына. Похитителю понадобилось совсем немного: леденец, костюм Санты и двести сорок секунд.

С тех пор жизнь Марин превратилась в беспросветный кошмар. Она стала тенью себя прежней. Но новость о том, что любимый муж, оказывается, вот уже полгода спит с другой женщиной, внезапно вернула ее к жизни. Марин потеряла своего сына и не собирается терять еще и мужа. Она решается на отчаянный, безумный шаг – разобраться с соперницей. Навсегда...

Содержание

Глава 1	5
Часть I	20
Глава 2	20
Глава 3	33
Глава 4	52
Глава 5	62
Глава 6	85
Глава 7	100
Глава 8	114
Конец ознакомительного фрагмента.	123

Дженнифер Хиллиер

Маленькие грязные секреты

© Юркан М.Ю., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Посвящается Даррену и Мокс

Какие бы прорывы ни привели меня на этот путь, я вновь прошла бы по нему от начала до конца и моя вечная благодарность Лори Коссето. Без вас я не выдержала бы сложностей этого пути.

Глава 1

Рынок Пайк-плейс и в обычный день служит приманкой для туристов. А если к этому добавляются солнечные выходные – практически нереальные в декабре – и необходимость запоздалых покупок рождественских подарков, то вам светит провести субботу на этих девяти акрах Сиэтла в жутко оживленной и суетливой толпе.

Курточка Себастиана уже лежала в одной из сумок Марин, но мальчику все равно было жарко. Его вспотевшая ручка выскальзывала из ее руки всякий раз, когда он слишком сильно дергался, пытаясь утащить маму в самом желанном направлении.

– Мамочка, мне же так хочется леденец на палочке, – второй раз, уже с надрывом, заявил Себастиан.

Он устал и начинал капризничать, но на самом деле ему уже просто хотелось спать. Однако Марин не купила последний подарок. Она гордилась тем, что делала продуманные подарки, но ее четырехлетнего сына это совершенно не волновало: Себастиан верил, что подарки приносит Санта, поэтому сейчас его интересовали только сладости.

– Бэшик, пожалуйста, еще пять минут, – раздраженно ответила Марин, – и тогда мы пойдем за твоей конфетой. Но ты должен потерпеть. Договорились?

Условие было честным, и малыш перестал хныкать. На

этом рынке имелась одна лавочка, неприлично изысканная и французская. В ее витрине, на бирюзовом фоне в стиле ювелирного дома «Тиффани», поблескивало претенциозное название, выписанное витиеватым золотым курсивом: «*La Douceur Parisienne*»¹. Там делали всевозможные сладости, но прославилась она своими «кустарными кремовыми трюфелями ручной работы». Себастиан же мечтал о большом леденце в виде радужной спирали, стоившем пять долларов.

Целых пять долларов за леденец. Марин прекрасно понимала безумную дороговизну такого угощения. В защиту Себастиана можно сказать, что он даже не знал бы о существовании подобной роскоши, если б она сама, в свое время, не затащила его в эту кондитерскую за шоколадом с чертовски восхитительным, честно говоря, вкусом: надо же время от времени баловать сына. Тем более что в «*La Douceur Parisienne*» все делалось на основе натурального тростникового сахара и местного меда. Дерек не воспринимал подобные капризы своей жены, считая, что Марин просто пыталась оправдать превращение их малыша в такого же надменного гурмана, как и она.

Однако сейчас Дерек наслаждался пивом в спортивном пабе где-то на Первой авеню, глядя футбольный матч и болея за «Хаскиз»², пока Марин делала последние предпразд-

¹ «Парижские сладости» (*фр.*).

² «Вашингтон хаскиз» – команда Вашингтонского университета в студенческом американском футболе.

ничные покупки.

Ее карман завибрировал. Из-за рыночного шума Марин не услышала звонка смартфона, зато почувствовала его вибрацию и, выпустив руку сына, достала аппарат. Может, звонил Дерек, сообщить, что игра закончилась? Она глянула на экран. Нет, звонил не муж. Меньше всего ей сейчас хотелось заниматься болтовней, но звонил Сэл. Ему нельзя не ответить.

– Бэшик, стой рядом, – велела она Себастиану. – Привет.

Зажав телефон между плечом и ухом, Марин подумала, что хорошо бы иметь беспроводные наушники, однако тут же вспомнила, что не хочет уподобляться придурочным мамам, которые их используют.

– Все в порядке? Как мамино самочувствие? – Она вновь взяла сына за руку, слушая рассказ своего старого друга о суматошном утре: мать Сэла восстанавливалась после операции по протезированию тазобедренного сустава. Кто-то врезался в нее, сбив с плеча ремни сумок. Марин возмущенно оглянулась на спины удалявшихся без извинений прохожих. Беспардонные, оголтелые туристы.

– Mamочка, хватит болтать, – Себастиан, опять хныкая, подергал ее за руку. – Ты же обещала мне *леденец*. Большой. С радугой.

– Бэшик, что я говорила? Тебе придется немного потерпеть. Сначала нам надо закончить другие дела. – И, возвращаясь к телефонному разговору, добавила: – Сэл, извини,

можно я перезвоню тебе немного позже? Мы сейчас на рынке в безумной толпе.

Она сунула телефон обратно в карман и еще разок напомнила Себастиану об уговоре. Понятие *уговор* появилось в их общении сравнительно недавно, когда мальчик начал капризничать, отказываясь купаться. «Если ты искупаешься, то мы подольше почитаем перед сном», – говорила Марин, и этот уговор действовал просто чудесно, так как от него выигрывали оба. Время купания проходило более гладко, а после, ощущая на своей щеке душистые локоны сына, она с удовольствием читала ему свои любимые детские сказки. Сначала историю о «Любопытном Джордже»³, а потом «Спокойной ночи, Луна»⁴ – всегда в такой последовательности. Марин обожала их вечерний ритуал и страшилась того дня, когда ее объятия будут отвергнуты, а сын предпочтет читать свои вечерние книжки самостоятельно.

Но сейчас Себастиан замолчал, поскольку она напомнила, что он может не получить леденец, если опять начнет хныкать.

Марин и сама чувствовала себя усталой и взвинченной. К тому же давно проголодалась и отчаянно хотела взбодриться кофейком. Но сладости – и, увы, кофе – подождут. Они дого-

³ Обезьянка, герой серии приключений под названием «Любопытный Джордж», написанных Х.А. и М. Рей.

⁴ «Спокойной ночи, Луна» – известная детская книжка авторства М. Уайз-Браун.

ворились встретиться с Дерексом в старейшем в мире «Старбаксе», как раз рядом с магазином парижских сладостей, но никто из них не получит желаемого, пока не будет сделана последняя покупка.

Последний подарок был для Сэйди, менеджера городских салонов Марин. Она находилась на шестом месяце беременности и уже намекала, что, возможно, ей придется бросить работу и заделаться домохозяйкой. Уважая выбор любой женщины, решившей всецело посвятить себя семье, Марин, однако, очень не хотела бы потерять такую ценную сотрудницу. Сэйди как-то упомянула, что видела замечательное первое издание Беатрис Поттер «Повесть о кролике Бенджамине Банни» в винтажном книжном на нижнем уровне этого рыночного комплекса. Уже десять лет она прекрасно трудилась в салонах Марин и, разумеется, заслужила особый подарок, который, возможно, напомним Сэйди, как сильно она любит своего босса – и свою работу, – и тогда предпочтет вернуться к работе после декретного отпуска.

Себастиан снова начал вырываться, но Марин, крепко держа сына за руку, подтолкнула его ко входу в книжную лавку, где с облегчением узнала, что у них все еще есть то самое первое издание Поттер. Расплачиваясь, умудрилась добавить к подарку еще пару книжек про черепашонка Франклина. Они уже вновь поднимались на верхний уровень, когда ее телефон вновь завибрировал.

Игра закончилась, – написал Дерек. Слава богу – ей пригодились бы лишние руки. – Направляюсь в вашу сторону. Где вы сейчас?

Она почувствовала, как из ее руки выскользнула вспотевшая ручка Себастиана. Ладно; ей все равно нужны обе руки для отправки сообщения. В любом случае, ее малыш рядом и не отстает от нее в кои-то веки, ведь они уже быстро шли по улице в сторону кондитерского магазина. Обещание есть обещание, хотя Марин признавала, что мысль о шоколадном малиновом трюфеле таяла у нее во рту, облегчая выполнение их уговора.

Направляемся в нашу модную кондитерскую. Потом – в «Старбакс». Тебе купить что-нибудь?

Тако. Я умираю с голодухи. Встретимся лучше около закусовых фургонов.

Марин скривилась. Ее не привлекали закуски из мексиканских фургонов и вообще любой уличный фастфуд. Она даже траванулась, когда последний раз съела там тортилью с начинкой.

No bieno⁵. Почему бы нам не заскочить по дороге домой в «Феникс» и не взять пару сэндвичей со свиной? Там хоть мясо приличное.

Жрать жутко хочется. Надо подкрепиться чем-то пря-

⁵ Вовсе не лучше (исп.).

мо СЕЙЧАС. И, детка, если будешь паинькой, то вечером я устрою тебе чудесное плотское угощение.

Она закатила глаза. Кое-кто из ее подруг жаловался, что их мужья перестали с ними флиртовать. Дерек же продолжал заигрывать постоянно.

Ладно. Ешь свой жирный тако, но помни, чревоугодник, что ты мой должник.

Вот и славно, потому что я уже стою в очереди, – его ответ сопровождался подмигивающей эмодзи. – Встретимся через несколько минут. Я принесу Бэшу чурро⁶.

Марин собиралась наложить вето на этот жареный десерт, когда вдруг осознала, что плечо Себастиана больше не прижимается к ее ноге. Оторвав взгляд от смартфона, она поправила вдруг потяжелевшие сумки. Вновь опустила глаза и оглянулась вокруг.

– Бэшик? Себастиан?

Сына поблизости не оказалось. Марин резко остановилась, и кто-то мгновенно врезался ей в спину.

– Терпеть не могу, когда вот так внезапно тормозят, – проворчал парень своему спутнику, обходя ее с выразительным недовольным пыхтением.

Но Марин ничего не слышала. Охваченная смятением, она осознала, что ее мальчика нигде не видно. Вытянув шею, вглядывалась в толпу сновавших по рынку горожан и туристов. Себастиан не мог уйти далеко. Ее взгляд метался ту-

⁶ Чурро – колечко из теста, обжаренное во фритюре.

да-сюда, ища малыша с темными, так похожими на ее собственные, волосами. Она искала коричнево-белый свитер с оленем, связанный ему в подарок давней клиенткой салона. Себастиану так понравился этот свитер, что всю прошедшую неделю он носил его практически ежедневно. И выглядел в нем совершенно очаровательно.

Но она нигде не нашла его. Ни свитера с оленьей мордочкой. Ни Себастиана.

Перегруженная своими сумками, набитыми их куртками и покупками, Марин металась по рынку. В отчаянии проталкиваясь через толпу, она продолжала выкрикивать имя сына:
– Себастиан! *Себастиан!*

Окружающие начали замечать ее безумные метания, но большинство продолжали спешить по своим делам, лишь мельком глянув в ее сторону. Марин едва слышала собственный голос. Толпа вынесла ее к прилавок с морепродуктами, где три рыбака в испачканных кровью комбинезонах снова ли туда-сюда, наслаждаясь взглядами зрителей, собравшихся посмотреть, как по-спортивно ловко они перебрасывались свежим лососем.

– Себастиан! – Марин пребывала в жуткой панике. В ее руке завибрировал смартфон. Очередное послание от Дерка: он уже заказывал тако в фургоне и захотел напоследок узнать, не хочется ли ей все-таки какой-то закуски. Его сообщение безумно взбесило ее. Не нужно ей никаких чертовых закусок, ей нужно найти сына!

– Себастиан!

Смятение переросло в истерику, и Марин не сомневалась, что выглядела как сумасшедшая, поскольку окружающие начали поглядывать на нее со страхом и озабоченностью.

К ней подошла пожилая женщина, чьи серебристые волосы поблескивали в аккуратно уложенной прическе.

– Мэм, могу я вам помочь? Вы потеряли ребенка?

– Да, ему четыре года, он вот такого роста, с каштановыми волосами и в свитере с оленем, его зовут Себастиан, – протараторила Марин на одном дыхании, осознавая, что ей нужно успокоиться и перевести дух, потому что истерикой тут уж точно не поможешь. Да и, наверное, вообще глупо паниковать. Ведь они находились на модном рынке, посреди туристического комплекса, где полно охраны. К тому же приближалось Рождество, и никто, естественно, не стал бы вводить ребенка на пороге Рождества. Себастиан просто немного заблудился, и через минуту-другую кто-нибудь приведет его к ней, а она, глуповато пролепетав «спасибо», неистово обнимет своего ребенка. А потом, склонившись к нему, прочтет строгую нотацию, напомнив, что «он должен всегда оставаться там, где может ее видеть, потому что если он не может видеть ее, то она не может видеть его», – и его круглое личико сморщится от подступивших слез, потому что он всегда, независимо от причины, расстраивался, когда расстраивалась она. Потом она расцелует его и объяснит, почему в общественных местах ему всегда надо оставаться рядом

с ней, ведь это важно для его же *безопасности*. Она снова успокоит его, убедив, что теперь все будет в порядке, и они опять обнимутся и поцелуются, и, конечно же, он получит обещанный леденец. А потом, уже вечером, в их уютном доме, уложив Себастиана спать, Марин расскажет Дереку всю эту ужасную историю, как она испугалась – как безумно перепугалась – в те несколько минут, когда не знала, куда подевался их сын. И тогда настанет очередь мужа успокаивать ее, и он напомнит ей, что все, слава богу, закончилось хорошо.

Да, все будет хорошо. Ведь они найдут его. Разумеется, найдут.

Марин набрала номер Дерекы и, как только муж ответил, выпалила:

– Себастиан пропал. – Ее голос звучал в три раз громче и на пол-октавы выше, чем обычно. – Я потеряла его.

Дерек знал, как она обычно разговаривает, и мгновенно понял, что Марин не шутит.

– Что-что?

– Я не могу найти Себастиана!

– Где ты сейчас? – спросил он, и Марин, оглянувшись, осознала лишь, что все еще топталась возле рыбных прилавков. Но теперь она стояла около главного входа под горячей неоновой вывеской «Общественный рынок».

– Я стою около свиньи, – ответила Марин, зная, что он поймет ее ссылку на эту популярную бронзовую скульптуру.

– Никуда не уходи, я скоро.

К вызвавшейся помочь ей пожилой даме присоединились еще три особы разных возрастов, наряду с мужчиной – мужем одной из них, – которого послали за охраной. Дерек появился через пару минут, изрядно запыхавшийся, поскольку бежал всю дорогу с другого конца рынка. Глянув на Марин, он понял, что рядом с ней нет Себастиана, и его лицо застыло. Казалось, он надеялся, что к моменту его проявления все уже разрешится, и ему останется лишь успокаивать напуганную, но испытывающую облегчение жену и испуганного и плачущего сына, поскольку как раз успокаивать Дерек умел отлично. Однако там не оказалось ни плачущего ребенка, ни испытывающей облегчение жены, и он мгновенно оцепенел, не зная, что делать дальше.

– Какого черта, Марин? Что же ты наделала?

Из-за неудачного выбора слов его вопросы прозвучали более обвиняюще, чем ему, вероятно, хотелось. Его голос словно пронзил ее, и Марин поморщилась, словно от боли: ей вдруг стало ясно, что последний вопрос будет преследовать ее всю жизнь.

Да, что же она наделала? Она потеряла их сына, вот что она наделала. И была готова взять на себя всю вину и до бесконечности приносить всем и каждому свои извинения, как только они найдут малыша, ведь они найдут его, должны найти, а сразу после нахождения, как только он вернется целый и невредимый к ней, она почувствует себя полной идиоткой.

Марин отчаянно ждала того момента, когда же почувствует себя идиоткой.

– Он все время стоял рядом со мной; я лишь выпустила его ручку, чтобы отправить тебе сообщение, и вдруг он пропал, – ответила она срывающимся голосом с явными истерическими нотками, и прохожие уже не просто вздрагивали, а останавливались и предлагали помощь, спрашивая, как выглядел потерявшийся мальчик.

Два охранника в темно-серой униформе, услужливо приведенные посланным мужем, уже знали, что надо искать мальчика в свитере с лисичкой.

– Не с лисичкой, – крикнула Марин сердито, но никто ее не осудил, – *с оленем*. Коричнево-белый свитер с мордочкой оленя, с черными пуговками вместо глаз и...

– У вас есть фотография вашего сына в этом свитере? – спросил один из охранников, но она еле удержалась, чтобы не обругать его за такой дурацкий вопрос. Во-первых, много ли четырехлетних мальчиков разгуливает сейчас по рынку в точно таком же вручную связанном свитере? И, во-вторых, естественно, у нее есть фотография сына, ведь он ее сын, и их полно в ее телефоне.

Они получили снимок и отправились на поиски.

Но им не удалось найти малыша.

Через десять минут появилась полиция.

Но и копам тоже не удалось найти его.

Спустя два часа, после того как полиция Сиэтла раздобы-

ла запись с камеры уличного наблюдения, Марин с Дерекком в потрясенном неверии взирали на монитор компьютера, где показывалось, как их мальчик в свитере с оленем выходил с рынка, держа за руку человека с расплывчатыми чертами лица. Они исчезли за дверями около подземной парковки, но это не означало, что они направились именно туда. В свободной руке их сын держал леденец, ту самую радужную спираль, что купила бы ему мать, если бы имела шанс. Давший ему леденец человек был с ног до головы одет в костюм Санта-Клауса, вплоть до черных сапог, кустистых белых бровей и бороды. Ракурс, пойманный камерой, не позволял разглядеть толком его лицо. И не позволял даже сказать, кто скрывался под костюмом – мужчина или женщина.

Марин никак не могла сообразить, что же она видит, и, прося полицейских снова и снова воспроизводить эту запись, прищурившись, вглядывалась в монитор, словно надеялась увидеть там нечто больше того, что давала картинка. На экране воспроизводилась дрожащая запись, больше напоминавшая последовательность зернистых немых стоп-кадров, чем нормальную видеозапись. Всякий раз видя, как Себастиан исчезает из вида, она вздрагивала от ужаса. Вот он еще есть, прямо перед ее глазами его ножка переступает через дверной порог. А в следующем кадре он исчезает, его уже нет.

Есть. Нет. Перемотка. Есть. Нет.

Дерек вышагивал за ее спиной, говоря на повышенных

тонах с охранниками и полицейскими, но ее мозг выхватывал из их разговора лишь отдельные слова – «похищение», «кража детей», «система поиска пропавших детей», «агенты ФБР», – все остальное заглушалось ее мысленными воплями. Она не могла постичь, что это происходит в реальности. Казалось, что все это случилось с другими людьми. Словно она смотрела кадры из кинофильма.

Кто-то, одетый Санта-Клаусом, увел ее сына. Преднамеренно. Умышленно.

Несмотря на размытость черно-белого изображения, было очевидно, что Себастиана никто не принуждал. Он не выглядел испуганным. Его лицо сияло радостью, ведь в одной руке он держал желанный пятидолларовый леденец, а другой держался за руку Санта-Клауса. Продавщицы из кондитерской лавки «*La Douceur Parisienne*» подтвердили, что сегодня они продали семь таких леденцов, но не припомнили ни одного клиента в костюме Санты. В их крошечном магазинчике не было ни одной камеры. Единственная камера из системы видеонаблюдения висела на противоположной стороне улицы, напротив гаража подземной парковки, куда, как предполагалось, ушли Себастиан и его похититель, однако угол обзора только издали охватывал бока выезжавших из гаража машин; номерных знаков было не видно. За час, прошедший с момента исчезновения Себастиана, оттуда выехали пятьдесят четыре машины, и некоторые из них полицейским удалось отследить.

Временные отметки на видеоматериале свидетельствовали, что мальчик и его похититель покинули рынок буквально через четыре минуты после того, как Марин осознала, что потеряла сына. В то время еще даже не вызвали охранников.

Четыре минуты. Всего-то. Вот сколько понадобилось, чтобы украсть ребенка.

Леденец, костюм Санты и двести сорок секунд.

Часть I

Пятнадцать месяцев спустя

*Послушай, ты ведь еле дышишь, называя это
жизнью...*
Мэри Оливер

Глава 2

Говорят, если пропавшего ребенка не нашли в течение суток после исчезновения, то, вероятнее всего, его уже не найдут никогда.

Такой была первая связная мысль, посещавшая Марин Мачадо каждое утро.

Вторая мысль – не сегодня ли она наконец осознает, что пора покончить с этой жизнью?

Иногда эти мысли рассеивались к тому времени, когда она, выбравшись из постели, стояла под душем, смывая их сильной струей горячей воды из душевой насадки. Иногда они рассеивались позже, после чашки кофе, когда она уже ехала на работу. Но иногда крутились в голове целый день, точно шепот зловещих туч на дальнем горизонте подсознания, подобно мрачной фонограмме, которую невозможно выключить. В иные дни Марин могла выглядеть нормально и

вела с окружающими обычные разговоры, как обычный человек, хотя внутри у нее звучали совсем другие диалоги.

Так случилось, к примеру, и вчера утром. Марин появилась в своем салоне в розовом платье от «Шанель», найденным в глубине своей гардеробной с прицепленной к нему карточкой из химчистки. Входя в приемную, она выглядела потрясающе, что сразу заметила ее секретарша, молодая блондинка с безупречным чувством стиля.

– Доброе утро, Марин, – сказала Вероника с сияющей улыбкой. – Надо же, какое у вас изумительное платье... Выглядите на миллион баксов.

Марин ответила улыбкой, проходя по элегантной приемной в сторону своего личного кабинета в глубине салона.

– Спасибо, Ви. Пустяки. Что у нас с расписанием на сегодня?

– Забито под завязку, – произнесла Вероника тем монотонным голосом, каким, видимо, разговаривают по утрам все работающие люди.

Марин кивнула и, опять улыбнувшись, продолжила путь к своему кабинету, хотя в уме у нее постоянно крутились мрачные мысли: «Может, сегодня уже пора. Возьму ножницы... не те новые, что я опробовала прошлым летом на Скарлетт Йоханссон, а старые, привычные, те самые, которыми я лет пять назад стригла Дженнифер Лопес, их ведь так удобно держать... надо просто воткнуть их в шею, прямо туда, где бьется жилка. Я сделаю это перед зеркалом в ванной, тогда

уж мне не удастся промахнуться. Да, именно в ванной, ее проще всего отмыть; там синевато-серый кафель, соединенный темными швами, и пятен крови будет не видно...»

Она не сделала этого.

Но думала об этом. Она по-прежнему думала об этом. Каждое утро. Большинство вечеров. Бывало, и в середине дня.

Сегодня, к счастью, день начался лучше, и мысли, разьедавшие ее душу с утра, начали терять определенность. Они полностью исчезли со звонком будильника. Включив лампу на прикроватной тумбочке, Марин поморщилась от противного привкуса, появившегося благодаря целой бутылке выпитого перед сном красного вина. Взяв запасенный с вечера стакан воды и сделав большой глоток, она прополоскала пересохший рот. Потом вытащила шнур зарядника из телефона.

Ты жива?

Вопрос от Сэла, естественно. Его традиционное утреннее сообщение, если он не дожидался ее звонка. Любому другому такой вопрос мог бы показаться бесчувственным. Но у них с Сэлом особые отношения. Они давно знали друг друга, разделяли любовь к черному юмору, и Марин радовалось, что у нее по жизни еще есть друг, не считавший необходимым осторожничать с ее драгоценными чувствами. Она также абсолютно уверена, что только Сэл, единственный из ее знакомых, втайне не считал ее дрянью. С больной от похмелья го-

ловой и еще затуманенным со сна взором, Марин ответила ему, неловко набрав текст плохо гнущимися пальцами.

Еле-еле.

Таков ее традиционный ответ. Предельно лаконичный, но большего и не требовалось. Сэл еще разок проверит ее состояние вечером перед сном. Он знал, что худшими для нее стали утренние и вечерние часы: именно в них ей хуже всего удавалось мириться с реальностью ее нынешней жизни.

Вторая половина семейной кровати пустовала. Несмятая подушка и простыни. Прошлой ночью Дерек с ней не спал. Он опять уехал из города по делам. И она понятия не имела, когда он вернется. Дерек забыл сообщить ей об этом вчера, когда уезжал, а Марин забыла спросить.

Прошло уже четыреста восемьдесят пять дней с того времени, когда она потеряла Себастиана.

Это означало, что уже четыреста восемьдесят пять вечеров Марин не купала своего сына, не надевала на него чистую пижамку, не укладывала в кровать и не читала вечерние сказки. Она пережила четыреста восемьдесят пять утренних пробуждений в тихом доме, лишенном детского смеха, топота ножек и призывных криков: «Мамочка, помоги!» – доносившихся из коридора возле ванной. Четырехлетний малыш, конечно, уже полностью освоил горшок, но ему пока не удавалось как следует справляться с основными навыками личной гигиены.

Четыреста восемьдесят пять суток сплошного ночного кошмара.

Начинался очередной приступ паники. Целую минуту Марин старательно делала упражнения на глубокое дыхание, которым ее научил психотерапевт. Ни о каком нормальном существовании, безусловно, не могло быть и речи, однако, она научилась лучше притворяться. И, главное, перестала пугать людей. Уже четыре месяца прошло с тех пор, как Марин смогла вернуться к работе. Привычный рабочий режим пошел ей на пользу; благодаря ему она выходила из дома и проводила день на работе, что давало ей повод думать не только о Себастиане.

Свесив ноги с кровати, Марин приподнялась на локте – и тут же сморщилась от острой пульсирующей боли в висках. Проглотив таблетки антидепрессанта и поливитамина, она запила их остатками теплой воды и минут через пять направилась в душ. Спустя сорок пять минут вышла из ванной уже полностью одетой, с идеальной, стильной прической и искусно наложенным макияжем. Теперь Марин чувствовала себя лучше. Ненамного, разумеется – ведь ее ребенок до сих пор не найден, и это всецело ее вина, – но в такие моменты ей, по крайней мере, не казалось, что она болтается над пропастью на быстро разматывающейся тонкой нити. И сейчас как раз нащупала подобие твердой почвы под ногами, расценив такое состояние как своеобразное достижение.

...Этот день пролетел быстро. Четыре стрижки, двойной

покрас⁷, балаяж⁸ и собрание персонала, где она только присутствовала, но проводила его Сэйди. Повышенная до генерального менеджера сразу после рождения ребенка, теперь она управляла повседневными делами всех трех салонов. Марин с трудом могла представить, что потеряет Сэйди до того, как все случилось с Себастианом; а после того такая мысль стала невыносимой. Она могла лишь слоняться по дому, погружаясь в свое несчастье, что и делала целый год, пока Дерек и ее психотерапевт не начали упорно твердить, что пора уже вернуться к работе. Марин все еще контролировала ситуацию – салоны, в конце концов, принадлежали ей, – но в основном вернулась к работе ради стрижки и окрашивания волос избранной группы давних клиентов, известных как VIP-персоны. Все они были до абсурда богаты. Избранные мелкие знаменитости готовы платить по шесть сотен долларов в час за то, чтобы прическу им сделала лично Марин Мачадо. Потому что она успела завоевать популярность. Ее стилистические решения рекламировались в модных журналах типа «Вог», «Алюр» и «Мэри Клэр». Марин Мачадо стала крутым, модным стилистом. «Поуглиив» ее имя, можно обнаружить фотографии трех самых знаменитых Дженнифер – Лопес, Лоуренс и Энистон, – в общем,

⁷ Двойной покрас – техника окрашивания с использованием двух цветов одновременно. Чаще всего используются светлые и темные цвета для создания контраста.

⁸ Балаяж – техника окрашивания, с помощью которой добиваются эффекта выгоревших на солнце волос.

тех актрис, с волосами которых она работала лично, хотя теперь статьи о ее работе уступили место новостям об исчезновении Себастиана и о крупномасштабных поисках, правда, не увенчавшихся успехом. Жалобам на особое отношение к ней и Дереку со стороны полиции, потому что Дерек тоже принадлежал к бизнес-элите, и они, будучи состоятельной парой со связями, водили дружбу с шефом полиции (что сильно преувеличено – в полиции едва знали Марин, разве что видели ее на нескольких ежегодных благотворительных мероприятиях), и слухам о том, что Марин пыталась покончить с собой.

Теперь она стала своего рода поучительной историей.

Благодаря содействию Сэйди она удержалась на плаву, а занятие любимым делом пошло на пользу. Марин любила создавать новые образы и именно на своем рабочем месте, щелкая ножницами, смешивая цвета и окрашивая пряди волос, ощущала полноту и гармонию жизни. Она достигла высот в парикмахерском искусстве – идеальном сочетании мастерства и химии.

В ее кресле сейчас сидела женщина по имени Аврора. Давняя клиентка, вышедшая замуж за бывшего игрока бейсбольной команды «Сиэтл маринерс». Ее натуральные черные волосы начали седеть, и за несколько последних посещений ее удалось превратить в блондинку. Авроре хотелось, чтобы ее лицо обрамляла светло-платиновая шевелюра, якобы «выгоревшая под морским солнцем», но ее волосы дав-

но стали сухими, тонкими и истощенными. Марин решила вручную обработать их щадящим осветлителем, смешанным с восстанавливающим бальзамом. Когда волосы клиентки посветлели до бледно-желтого оттенка, похожего на внутреннюю сторону банановой кожуры – время окраски занимало от десяти до двадцати пяти минут, в зависимости от множества различных факторов, – Марин вымыла ей волосы и не более чем на три минуты наложила фиолетовый тонер, для создания идеального светло-золотого оттенка.

Несмотря на сложности процесса окраски, Марин умела управлять им. Исключительно важным она считала умение предсказывать последствия своих трудов. И в первую же неделю после возвращения на работу поняла, что лучше бы вернулась в салон раньше, не потратив зря столько времени на сеансы психотерапии.

– Итак? Каково твое мнение? – спросила она наконец Аврору, поправив несколько локонов прически, прежде чем сбрызнуть их спреем мягкой фиксации.

– Идеально, как обычно, – оценила Аврора, казалось, теперь просто не представляя, что еще можно ответить. В прошлом она весьма бурно высказывалась по поводу достоинств и недостатков своих волос. Но с тех пор, как Марин вернулась к работе, осыпала своего стилиста исключительно комплиментами.

Марин пристально наблюдала за клиенткой, выискивая признаки недовольства, но Аврора выглядела искренне до-

вольной, поворачивая голову то в одну, то в другую сторону и разглядывая оттенки в разных ракурсах.

– Очаровательно. Прекрасная работа, – заявила она, с довольной улыбкой взглянув на Марин в зеркало.

Кивнув, та, тоже с улыбкой, приняла похвалу, сняла пелерину и проводила клиентку в приемную, где Вероника ждала оплаты услуг.

Она слегка приобняла Аврору на прощание, и женщина ответила ей излишне крепким объятием.

– Ты отлично справляешься, милая, держись, – прошептала та, и Марин невольно испытала ощущение клаустрофобии.

Пробормотав слова благодарности, она испытала облегчение, когда Аврора наконец отпустила ее.

– Уходите? – спросила секретарша спустя несколько минут, увидев, что босс вышла из своего кабинета с курткой и сумочкой.

Марин, заглянув в компьютер секретарши, проверила записи следующего дня. Только три клиентки во второй половине дня – значит, после утреннего сеанса психотерапии у нее останется пара часов для административных дел. Формально не обязанная теперь заниматься ими, она чувствовала себя виноватой из-за того, что свалила все управление на Сэйди.

– Передай Сэйди, что я буду утром, – попросила Марин, проверив свой телефон. – Пока, Ви, хорошего вечера.

Она направилась к своей машине и уже включила зажигание, когда поступила эсэмэска от Сэла. В последнее время он остался единственным человеком, способным заставить ее улыбнуться, не вынуждая при этом осознавать, что она улыбается лишь из чувства вежливости или долга.

Приходи в бар. Я совершенно один, не считая компании олухов из колледжа, присосавшихся к «Будвайзеру», будучи не в курсе, что есть еще и настоящее пиво.

Не могу. Еду в группу.

Ладно. Тогда приходи, когда закончишь самобичевание. Я соскучился по твоему лицу.

Марин хотелось согласиться, поскольку она тоже соскучилась по нему, однако после групповых встреч она обычно чувствовала себя психологически истощенной.

Может, и зайду, – напечатала она, не желая прямо отказываться, – сам понимаешь, какое меня ждет испытание. Уточню позже.

Честный ответ. Но я изобрел новый коктейль и хочу, чтобы ты попробовала мой мохито с соками граната и ананаса. Я назвал его «Гавайи 5-0».

Звучит отвратительно.

В награду Марин получила пиктограмму с изображением мужчины, показывающего средний палец, и невольно фыркнула.

нула от смеха.

Сэл не спросил, где будет Дерек сегодня вечером. Он никогда не спрашивал.

Ей хватило пятнадцати минут, чтобы доехать до Содо, как сокращенно называли район Саут-оф-Даунтаун⁹. К тому времени как она заехала на парковку обветшалого торгового комплекса, где проходило собрание группы поддержки, ее вновь охватила грусть. Естественное состояние – ведь она шла, вероятно, в единственное место во всем мире, где могла чувствовать себя сколь угодно несчастной, не испытывая при этом необходимости извиняться, поскольку все на этом собрании были по-своему несчастны. Сеансы психотерапии, разумеется, заслуживали доверия, но они подразумевали оценки и негласное ожидание того, что ей должно стать лучше.

А сегодняшняя встреча не давала оснований к таким притязаниям. «Группа поддержки родителей пропавших в Сиэтле детей» – просто шикарное название для компании людей с одной общей ужасной проблемой: у всех них пропали дети. Сэл называл это актом самобичевания. И он не ошибался. Но иногда Марин нуждалась именно в таком акте.

Миновал уже год, три месяца и двадцать два дня с худшего момента в ее жизни. С момента, когда она совершила

⁹ Саут-оф-Даунтаун, сокращенно Содо, – перестроенный промышленный район Сиэтла со стадионами и лофтами, где находятся офисы новых компаний, мастерские художников и современные галереи.

худшую из ошибок. И никто в том не виноват, кроме нее.

Если б она не выпустила ручку Себастиана, чтобы написать эсэмэску, если б они раньше зашли в ту кондитерскую лавку, если б она не затащила его в книжный магазин, если б она раньше оторвала взгляд от телефона, если б... если б... если б... если б... если б... если б...

Психотерапевт убеждал ее прекратить заикливаться на том злосчастном дне. Говорил, что бесполезно снова и снова прокручивать в голове каждую его секунду, как будто каким-то волшебным образом могли вспомниться новые важные детали. Что нужно найти способ примириться со случившимся и вновь начать смотреть в будущее, не переставая, безусловно, надеяться на возвращение Себастиана. Что нужно постараться начать вести продуктивную жизнь, несмотря на случившееся, несмотря на допущенную ею ошибку, несмотря на ее последствия.

Марин считала его советы дурацкими. Потому-то ей и не хотелось больше ходить на его сеансы. А хотелось думать только о тех последних моментах. Хотелось продолжатьковыряться в своей ране. Она не хотела, чтобы та заживала, потому что если она заживет, то, значит, все кончено и, значит, ее малыш останется потерянным навсегда. Она не могла уразуметь, почему никто, казалось, не понимал этого.

Никто, за исключением членов группы поддержки.

Она пристально глянула на выцветшую желтую вывеску магазина пончиков, которая уже приобрела оттенок то ли

горчицы, то ли лимона. С неизменно освещенной витриной. Если б в прошлом году кто-то сказал ей, что она будет таскаться сюда раз в месяц и проводить время в группе незнакомых людей, она не поверила бы.

Да, раньше Марин многому не могла бы поверить.

Ключи выскользнули из ее руки, но ей удалось подхватить их, прежде чем они шлепнулись в грязную лужу на парковке. А разве сама она в последнее время не барахтается в грязной луже своей жизни? Переживая череду промахов и ловушек, ошибок и угрызений совести, постоянно жонглируя шарами притворства, силясь показать, что все хорошо, когда в душе постоянно царит хаос саморазрушения...

Однажды все эти шары упадут.

И разобьются вдребезги.

Глава 3

По оценкам ФБР, в настоящее время насчитывается более тридцати тысяч дел о пропавших без вести детях.

Это тревожно большое число, и, тем не менее, жизнь родителей пропавшего ребенка проходит в странной изоляции. Если с вами не случилось такого несчастья, вы не сможете понять уникальность кошмара неведения о нахождении вашего ребенка, постоянных мыслей о том, жив он или мертв. Марин испытывала необходимость общения с людьми, жившими в таком особом преддверии ада. Она нуждалась в заслуживающем доверия общении, где могла выплеснуть все свои страхи, исследовать и анализировать их, зная, что другие переживают то же самое.

Марин предложила Дереку посещать эти групповые встречи вместе, но тот отказался. Он вообще не любил говорить о своих чувствах и решительно не хотел обсуждать ничего, связанного с Себастианом. Всякий раз, когда кто-то упоминал их сына, он замыкался в себе. Таков эмоциональный эквивалент абсолютного притворства: чем больше вы будете беспокоиться о благополучии Дерека, тем меньше дождетесь отклика и в итоге, сдавшись, оставите его в покое. Он вел себя так даже с Марин. Возможно, с ней особенно упорно.

Чуть меньше года назад, когда она только начала посещать

группу, на встречи приходили семь человек. Тогда они собирались в цокольном этаже церкви Святого Августина. Потом их число сократилось до четырех, и с тех пор встречи проходили в задней комнате пончиковой лавки. Выбор места мог показаться странным, если не знать, что у владелицы «Больших дыр» тоже пропал ребенок.

Название «Большие дыры» могло показаться забавным, но Фрэнсис Пейн не дружила с юмором. Она сразу заявила, что ее заведение – не пекарня, так как здесь подавали только два вида угощения: кофе и пончики. Статус пекарни, как она настаивала, предполагал более высокий уровень кондитерского мастерства, а ей его как раз не хватало.

Фрэнсис еще не исполнилось и пятидесяти лет, но выглядела она на все семьдесят; из-за глубоких морщин ее лицо напоминало изрезанную оврагами карту. Ее сын, Томас, пропал, когда ему было пятнадцать лет. Однажды он пошел на вечеринку, на которой выпивали и баловались наркотиками. А утром не вернулся домой. Никто не помнил, как он уходил с вечеринки. От него не осталось никаких следов. Он просто исчез. Фрэнсис растила сына в одиночку, Томас был для нее светом в окошке. Она ждала его возвращения уже девять лет.

Самой младшей в их группе была тридцатичетырехлетняя Лайла Фигероа. Мать троих детей, она жила с мужем Кайлом. Он работал детским стоматологом, и сама она тоже занималась гигиеной полости рта. У них родились два малыша. Пропавший ребенок – Девон, ее старший сын от предыду-

щего брака. Однажды его биологический отец, не имевший права опеки, забрал мальчика из школы, и больше его никто не видел и не слышал. Девон исчез три года назад в десятилетнем возрасте, тогда их с отцом видели последний раз в Санта-Фе, Нью-Мексико. Лайла говорила, что хотя Девон не стал жертвой таинственного похищения, его отец сам склонен к жестокости. В детстве Девона, когда малыш не переставал плакать, раздраженный отец специально прижег его ножку на плите, и такая жестокость стала главной причиной того, что она ушла, забрав сына.

Саймон Полняк, единственный отец в их маленькой группе, управлял филиалом компании «Тойота» в Вудинвилле и каждые несколько месяцев приезжал на встречи в новой, всюю рекламируемой машине. Он и его жена Линдси раньше ходили в группу вместе, но полгода назад они развелись. Линдси увезла с собой лабрадудля¹⁰, а Саймон продолжил ходить в группу. Он любит шутить, что она заключила выгодную сделку.

Их дочери Брианне было тринадцать, когда ее выманил из дома знакомый по интернету, якобы шестнадцатилетний парень, назвавшийся Трэвисом. Расследование показало, что этот тридцатилетний Трэвис работал на складе электроники и жил у своих родителей. Но он исчез вместе с Брианной. Они сбежали четыре года назад, и с тех пор никто о них ни-

¹⁰ Лабрадудль – породистый метис, выведенный путем скрещивания лабрадора-ретривера и пуделя.

чего не слышал.

Каждый первый вторник месяца родители встречались вчетвером в небольшой задней комнате «Больших дыр». Иногда к ним заглядывали новички – Фрэнсис вела страницу на Фейсбуке, и, кроме того, сведения о группе поддержки висели на доске объявлений церкви Святого Августина и на их сайте... В общем, группа была доступна для онлайн-поиска – но новые люди редко приходили второй раз. Групповые встречи, особенно в *такой* группе, – не для всех.

Сегодня к ним присоединилась новая жертва. Фрэнсис представила ее как Джейми – без фамилии, по крайней мере пока. Войдя в заднюю комнату и увидев состояние новенькой, Марин сразу поняла, что трагедия случилась совсем недавно. Об этом говорили опухшие от слез глаза, запавшие щеки, волосы, еще влажные от душа, который она, вероятно, заставила себя принять, прежде чем выйти из дома. Одежда висела на этой женщине так, словно она недавно сильно похудела. О ее возрасте судить было трудно, но Марин подозревала, что ей ближе к сорока. Рядом с ней стояла спортивная сумка, а ноги в фирменных сандалиях нервно подергивались. Похоже, она привыкла делать педикюр, но сейчас ей было явно не до этого. Отросшие ногти лишились следов лака.

Марин поздоровалась со всеми. Прежде чем занять свое место, она взяла поджаренный кокосовый пончик, обменявшись понимающим взглядом с Саймоном. Всегда интерес-

но, как долго продержится новичок. Многие не выдерживали даже до конца первой встречи. Реальность подобной жизни зашкаливала. Зашкаливало чувство вины.

– Кто хочет начать? – спросила Фрэнсис, окинув взглядом собравшихся.

Джейми опустила голову. Лайла прочистила горло, и они все тактично взглянули на нее, предоставляя слово.

– У нас с Кайлом возникли... сложности.

Марин заметила, что за прошедший месяц Лайла заметно осунулась; резко обозначились и круги под глазами. Сегодня ее джинсы дополнил толстый вязаный свитер с блестящей малиной на груди. Ей нравилось одеваться в броские, несочетаемые вещи ради приходящих в стоматологический кабинет маленьких пациентов. Она не притронулась к глазированной пончику, но взбодрилась, выпив кофе и смыв часть помады, отчего стали заметны трещинки на ее пересохших губах.

– Не представляю, долго ли еще мы сможем делать вид, что все в порядке. Мы стали постоянно ссориться, и наши ссоры отвратительны. Ругаемся, бьем посуду и ломаем все, что под руку попадет. Ему не нравится, что я хожу сюда. Он считает, что я заиклилась на прошлом. – Лайла обвела взглядом комнату. – А вы не думаете, что именно этим мы здесь занимаемся? Увязли в болоте прошлого?

Разумеется, увязли. Но Марин не сказала этого, поскольку никому из них не хотелось это услышать.

Саймон принялся за второй пончик, и она предвидела, что до окончания сегодняшней встречи двумя он не ограничится. После развода с Линдси Саймон сильно раздобрел. Лишний вес проявился в выдающемся животе и округлившейся физиономии. Он даже начал отращивать бороду, чтобы скрыть наметившийся второй подбородок. На голове его топорщились спутанные кудри. У себя в салоне Марин легко могла бы смягчить буйство его кудряшек, но понятия не имела, как предложить свои навыки, не показавшись снобом. Она подозревала, что в группе ее считали претенциозной, и сегодняшнее появление в платье от «Шанель», вероятно, лишь усилит это мнение.

– Ну и что с того, если «увязли»? Надо же чем-то жить. У каждого есть свои мысли... сомнения. И как бы мы с ними справлялись, если б не высказывали их здесь? – Саймон закинул в рот последний кусок пончика и вытер пальцы о джинсы. – Незадолго до нашего развода Линдси тоже начала думать, что такие разговоры вредны для нее. Ей хотелось перестать и думать, и болтать о прошлом. Иногда она говорила, что после наших встреч чувствует себя еще более несчастной, поскольку все вы постоянно напоминаете ей, что, вероятно, счастливый конец невозможен.

Все печально вздохнули. Как ни тяжело это слышать, но Линдси права. В том-то и смысл собраний группы поддержки родителей пропавших детей. Если повезет стать одним из немногих, чей ребенок в конце концов будет найден, то вы

прекратите приходиться сюда. Живой или мертвый, ваш ребенок перестанет быть *пропавшим*, поэтому, если вам и понадобится поддержка, то уже другого плана. Разрыв с группой просто неизбежен, причем в любом случае по взаимному согласию. Особенно если ваш ребенок мертв. Никому в группе не захочется об этом слышать.

А если каким-то чудом ваш ребенок останется жив, вы перестанете приходиться, потому что не захотите, чтобы другие родители напоминали вам о пережитом кошмаре, в котором, однако, они еще продолжают жить.

Брак Лайлы и Кайла трещал по швам, уже когда Марин начала посещать эту группу. Каков процент разводов среди пар с пропавшими детьми? Непомерно высок. По крайней мере, Лайла и ее муж все еще ссорятся. Марин и Дерек уже перестали. Порой необходимо хотя бы немного покричать, и твои крики должны хоть немного волновать партнера, чтобы тот удосужился ответить.

– Он стал проводить много времени с одной особой, познакомился с ней пару месяцев назад на стоматологической конференции, – выпалила Лайла. Кровь прилила к ее лицу, окрасив щеки тем же оттенком, что и ягода на ее свитере. – Какая-то дамочка. Говорит, что они просто дружат, но он таскается на свидания, попивает с ней кофе и обедает, а когда я спросила, можно ли и мне познакомиться с ней, он обиделся и заявил, что, помимо наших общих знакомых, ему должно быть позволено иметь и личных друзей. Но, по-мое-

му... в общем, по-моему, он закрытил роман.

Все сдержанно помолчали.

– Я уверен, что он тебя не обманывает, – изрек Саймон.

Кто-то должен был что-то сказать, и Саймон почти всегда говорил первым, испытывая тревожное смущение от затянувшегося молчания.

– Милочка, он же любит тебя, – добавила Фрэнсис, хотя ее голосу явно недоставало убежденности.

Джейми молчала. Она все так же сидела, опустив глаза, машинально накручивая на палец прядь своих влажных волос.

Послышался еще один долгий вздох, и когда все повернулись к Марин, она поняла, что вздохнула именно сама.

– Может, и обманывает.

Саймон и Фрэнсис стрельнули в нее суровыми взглядами, но Марин не обратила внимания. Она не собиралась нести чушь и лгать Лайле, говоря то, во что сама не верит, только ради сомнительного успокоения. Ребенок Лайлы *пропал*. Самое меньшее, что они могут сделать, это не пытаться разубедить ее в том, что она знает лучше, чем они.

– Ты ведь знаешь Кайла лучше любого из нас. Если чутье подсказывает тебе, что он изменяет, то не стоит игнорировать свои подозрения. Прости. Ты не заслуживаешь вранья.

По щеке Лайлы скатилась крупная слеза. Фрэнсис протянула ей салфетку.

– Мне следовало давно догадаться... – Лайла всхлипнула,

пытаясь подавить слезы. – Кайл не склонен заводить новых друзей. Так же, как и я. Вы прекрасно понимаете, каково нам разговаривать с новыми знакомыми...

Все кивнули, включая Джейми. Да, они-то уж понимают. С новыми знакомыми ужасно сложно. Им неизвестна ваша история, так что придется делать выбор: хочешь ли ты маяться, притворяясь, что у тебя все в порядке, несмотря на то что твой ребенок пропал, – или предпочтешь так же маяться, посвятив их в историю исчезновения? Никакого компромисса тут быть не может, но оба варианта – отстой.

Лайла явно переборщила с кофе. Марин догадалась об этом, видя, как дергаются ее ноги.

– У меня же нет доказательств. Только подозрения.

– А ты не хочешь прямо спросить его об этом? – мягко спросила Марин.

– Не знаю, – Лайла с отрешенным видом начала грызть ноготь большого пальца, точно щенок косточку, – не знаю, что мне делать. Не знаю даже, вправе ли я сердиться на него. Уже два года мы не занимаемся сексом. Черт, может, даже три, не могу вспомнить, когда это было последний раз. По-моему, если я заведу такой разговор, он будет все отрицать. И мы опять поссоримся. Боже, как же я устала от наших ссор...

– У вас ведь законный брак, – решительно возразила Фрэнсис, – и секс с кем-то другим не являлся частью сделки. И плевать, как долго у вас его не было.

– Хотя у мужчин есть определенные потребности, – вста-

вил Саймон.

– Заткнись, – Фрэнсис шлепнула его по ноге.

Марин порадовалась ее реакции, поскольку сама хотела дать ему подзатыльник.

– Не слушай глупости Саймона, – добавила она, взглянув на Лайлу. – Какие бы потребности ни испытывали мужики, поведение Кайла нельзя оправдать. Но тебе не стоит поднимать эту тему, пока не будешь готова.

– А что, если я вообще не смогу поднять ее? – Глаза Лайлы опять заблестели. – Что, если я хочу засунуть голову в песок и смириться с этим? У меня и без того достаточно забот, понимаешь?

– Если ты думаешь, что он изменяет тебе, то должна оставить его, – резко заявила Фрэнсис. – Изменив разок, он уже не остановится.

– Но мы вместе работаем. – Слезы потекли быстрее, проделывая тропинки в макияже и смывая румяна; она смахнула их, отчего стала выглядеть еще хуже. – И у нас двое малышей. Это непросто.

– Я лишь имею в виду, что тебе не стоит оставаться в браке с тем, кто предает тебя, – возразила Фрэнсис, скрестив руки на груди. Она всегда так делала, если считала, что права. – Лучше уж жить одной. Без обид для нашего милого Саймона, но я давно поняла, как хорошо можно жить и без мужчины.

«И что хорошего в такой жизни?» Лайла и Марин обменялись понимающими взглядами. Они обе подумали об од-

ном и том же: у Фрэнсис есть группа поддержки и лавка пончиков, но больше ничего.

– А что, если мне не хочется докапываться до правды? – Лайла опять начала грызть ноготь. – Может, мне не хочется ничего менять? Может, меня все устраивает... Что, если это все, чего я заслуживаю?

– Чушь собачья! – воскликнул Саймон, хотя выражение его лица не соответствовало убедительности восклицания.

Фрэнсис не решила ничего добавить, и Марин, честно говоря, тоже. Она слишком устала для ободряющей речи, и у нее не осталось сил убеждать Лайлу в том, в чем она не смогла убедить саму себя. Они все точно знали, что она имела в виду. Всем им в этой комнате каждодневно приходилось мириться с бременем того, что они сделали: не защитили своих детей. С главнейшей, черт побери, родительской обязанностью.

В общем, нет, они не заслуживают хорошей жизни. Не заслуживают, раз не смогли хорошо позаботиться о детях.

– Ты слишком строга к себе. – Ничего лучшего Марин не придумала и поморщилась, едва с ее языка слетели эти слова. Такие банальные, такие поверхностные... Она понимала, что лучше не высказывать подобные «вдохновляющие» стереотипы.

– А ты – нет? – моментально парировала Лайла, и Марин невольно зажмурилась. – Чего ради ты сама держишься за свой дерьмовый брак? Вы с Дерексом практически не обща-

етесь. Когда последний раз вы занимались сексом? И ты... – Она перевела пылающий взгляд на Фрэнсис. – Ты не замужем со времен каменного века, и все, с кем ты можешь поговорить, сидят сейчас здесь. Ты – не самый яркий пример того, какой я хочу видеть свою жизнь через пару десятков лет.

– Прекрати, Лайла, – бросил Саймон, взяв очередной пончик, – это некрасиво.

– Ох, а что же *ты* считаешь красивым? Разве тебе удалось сохранить красоту, Саймон? Жена тебя бросила, и ты набрал фунтов двадцать, торча здесь и лопаая пончики! – Она повернулась к Джейми, которая, казалось, съежилась под ее взглядом: – Вы уверены, что хотите быть здесь? Потому что теперь такие разборки станут и вашей жизнью. Но еще есть время, чтобы отказаться от подобных откровений, если вам они не нужны.

– Эй, – повысила голос Марин.

Одно дело, когда Лайла срывалась на ней и Фрэнсис – они способны справиться с ее выпадами. Саймон... более чувствителен, и если он заплачет, то это будет ужасно для всех. Но нельзя набрасываться на новичка. Все они и без того переживают чертовски трудные времена.

– Я понимаю, что ты злишься, но перестань брызгать ядом. Мы на твоей стороне.

– А я *не хочу* быть на этой стороне, – голос Лайлы задрожал, ее руки тоже. – Не желаю быть здесь, на этой стороне, с вами. Разве вы не способны это понять? Не хочу я такой

жизни! И уж тем более не хочу слышать нравоучения от тебя, Марин, потому что если Дерек и не изменяет тебе сейчас, то скоро изменит. Таковы мужики.

– Тпру! Тпру! Попридержите коней! – воздев пухлые ладони, вскричал Саймон. Марин впервые слышала, чтобы он так повысил голос. – Дамы, давайте возьмем тайм-аут.

– Ой, да пошел ты к дьяволу со своими «дамами». – Фрэнсис встала с кресла. Ей явно понадобится сигарета. – Лайла, милая, мирись с чем хочешь, но не надо орать на нас. Я лишь хотела сказать, что у тебя есть выбор, ясно? И ты имеешь право сделать свой выбор. Но оставаясь замужем за изменником из-за мнимого чувства вины в плане похищения твоего ребенка, ты наказываешь не только себя, но и других своих детей. То, что случилось с Девонем, – не твоя вина.

– Но я же опоздала, – с надрывом возразила Лайла. – Опоздала забрать его из школы, а если б не опоздала, его отец не смог бы увезти его, и мой сын оставался бы дома со мной в полной безопасности.

– Нет. Это учителям не следовало его отпускать. – Фрэнсис похлопала себя по карманам в поисках сигарет. Саймон доел свой третий пончик и опять вытер остатки глазури о джинсы.

– Но я же опоздала. *Опоздала.*

– Да, тебя не было, когда Девона увезли, – тихо произнесла Марин, – а я была, когда увели Себастиана. Я стояла рядом с ним.

– Но, Марин, Себастиану же было всего четыре года. Как любой ребенок, он мог отвлечься на что-то и заблудиться. – Измученный голос Саймона вполне соответствовал его виду. – В девяноста девяти и девяти десятых процентах случаев дети просто теряются, и их снова находят. Это не твоя вина. Он ушел, потому что кто-то увел его. Его увел похититель.

Он взглянул на молча плачущую Лайлу.

– А у тебя похитителем стал твой бывший муженек. Ты же думала, что в школе Девон в безопасности. Ведь в школе обязаны обеспечивать безопасность. И твое опоздание ничего не меняет. Если б ты пришла тогда вовремя, он украл бы его в любой другой день.

Все немного помолчали. Они и сами думали об этом раньше, но полезно было услышать это от кого-то другого – и хотя бы ненадолго испытать чувство облегчения.

Марин глянула на Джейми, до сих пор безучастно воспринимавшую услышанное. Это заставило ее задуматься о том, какой же коктейль антидепрессантов принимала их новая подруга по несчастью.

– Десятиминутный перерыв, – объявила Фрэнсис и исчезла с пачкой сигарет в руке за задней дверью прежде, чем кто-то успел вымолвить хоть слово.

Саймон направился в мужской туалет. Лайла, шмыгая носом, поспешила в дамскую комнату. Марин тоже не отказалась бы туда зайти, но имелась только одна дамская комната, а Лайле, естественно, требовалось побыть в одиночестве,

чтобы прийти в себя. Встав и потянувшись, Джейми подошла к столику с пончиками, оценила варианты и выбрала с кленовым сиропом. Станет ли он ее любимым? Останется она достаточно надолго, чтобы успеть выбрать то, что ей на самом деле понравится?

Да, их группа действительно производила жутковатое впечатление. Какое же определение опять использовал Сэл? Ах да... *Самобичевание*.

Саймон прав насчет похитителей. Когда Себастиану было всего три года, он убежал от нее однажды в парке аттракционов Страны чудес. После самых долгих пяти минут в мире его привел к ней какой-то незнакомец. Он увидел, что маленький мальчик потерялся в людном парке, и взял на себя смелость помочь ребенку найти свою мать. Потому что тот незнакомец не был ни похитителем, ни педофилом, ни убийцей.

С другой стороны, незнакомец, уведший Себастиана, был именно похитителем. Увидел ли этот незнакомец, что Себастиан заблудился, и решил воспользоваться шансом украсть ребенка, или спланировал это заранее, – в любом случае он стал похитителем, поскольку не вернул Себастиана. В том-то и разница.

Ей до сих пор, хотя прошло почти шестнадцать месяцев, трудно осознать случившееся. Да, Себастиану было всего четыре года, но соображал он хорошо. И его постоянно предупреждали о том, как опасно разговаривать с незнакомцами,

что нельзя брать у них игрушки, угощения или любые другие подарки, не посоветовавшись сначала с мамой или папой. Тому же его учили и в дошкольном учреждении.

Но его же увел Санта-Клаус! Детей учат любить Санту, разговаривать с ним, даже если они робеют или боятся, угощают их сесть на колени к этому чертовому веселому эльфу и сказать ему, что они хотят на Рождество. В свою очередь, он вознаграждает их сладкой сосулькой. Да, они получали угощение за то, что доверились незнакомцу.

Лайла вернулась с покрасневшими и распухшими глазами, но успокоенной. По пути за очередной чашкой кофе она слегка сжала плечо Марин – так она обычно извинялась. Марин улыбнулась ей, тоже, как обычно, показав, что извинения приняты. Встречаясь каждый месяц, они уже понимали друг друга без слов.

Когда сама Марин вернулась из дамской комнаты, Фрэнсис, уже вновь заняв свое место, начала рассказывать о ночных кошмарах, в которых видела Томаса. Она рассказывала о них на последних встречах, и с каждым разом ее сны становились все страшнее, вынуждая ее просыпаться в поту, стонать и мучительно вздрагивать.

– Он приснился мне прошлой ночью. Половина его лица превратилась в кровавое месиво. Один глаз вывалился из глазницы, обнажилась кость скулы, словно с нее сорвали кожу и...

– Фрэнсис... – прошептала Лайла, зажмурившись, но Сай-

мон быстро шикнул на нее. Джейми, подавшись вперед, слушала точно зачарованная.

– ... и он тянулся ко мне, а я, взяв его за руку, почувствовала, что она совсем холодная. – Лицо Фрэнсис горестно сморщилось, что встревожило их всех; обычно она бывала крайне сдержанна, редко проявляла свои чувства, не говоря уже о страданиях. – И у меня возникло ощущение... словно он пытается сказать мне, что умер... что я должна отпустить его.

– Фрэнсис, – вновь медленно и хрипловато произнесла Лайла, – не надо, Фрэнсис...

Вот это новость. Похоже, они вот-вот потеряют Фрэнсис.

Надежда жива до тех пор, пока ты надеешься. Она – и благословение, и проклятие. Иногда только надеждой и живешь. Она заставляет продолжать держаться, даже когда держаться практически не за что.

Но надежда может быть ужасной. Она заставляет желать и ждать, мечтать о том, что никогда не произойдет в реальности. Это как стеклянная стена между тем, где ты находишься и где ты хочешь быть. Вы можете видеть желанную вам жизнь, но не можете жить в ней. Точно рыба в аквариуме.

– Я жду уже девять лет, – срывающимся голосом добавила Фрэнсис, – и нет никаких причин думать, что Томас когда-нибудь вернется. Может, он попросту сбежал. Даже если б я могла принять, что он ушел по собственному желанию... но ведь его желания бывали такими переменчивыми, ведь он был еще слабохарактерным ребенком. Ему было всего пят-

надцать. Он не смог бы выжить на улице. Не продержался бы столько лет в одиночку.

Фрэнсис тяжело вздохнула. Ее глаза оставались сухими, но ведь только внешнее проявление плача определяется наличием слез, а сейчас ее сердце, наверное, тайно обливалось слезами.

– Он же мог позвонить мне. Дал бы мне знать, что с ним все в порядке. Ему уже исполнилось двадцать четыре года. Двадцать четыре... А в моих снах ему по-прежнему пятнадцать. Он так и не вырос. Не знаю, сколько еще я смогу... смогу...

Опередив порыв Марин, Лайла вскочила с кресла и крепко обняла эту бесслезно рыдающую мать. И Марин обняла уже их обеих. Она почувствовала за спиной близость Саймона, но оглянувшись, увидела, что это не Саймон, а Джейми. Их новая подруга молчаливо проливали слезы горестной солидарности. Саймон присоединился к ним через пару мгновений.

Окончательное признание дается трудно, независимо от того, связано ли оно с получением новостей или процессом собственного осознания. Но, может, теперь Фрэнсис удастся встать на путь исцеления.

Когда они все разошлись по комнате, Марин поймала взгляд Саймона. Она догадалась, о чем он думает. Им придется найти новое место для своих глупых и бессмысленных самобичеваний в так называемой группе поддержки. Че-

рез несколько минут встреча закончилась, и четверо участников, простившись с Фрэнсис, вышли на улицу. Машины Джейми и Марин стояли рядом, и они одновременно нажали на свои брелоки.

– Кошмарненько, верно? – спросила Марин.

Она не пожелала бы для новичка того, что обсуждалось на сегодняшней встрече, и ее совсем не удивит, если больше они никогда не увидят Джейми.

– Да уж, – голос Джейми прозвучал неожиданно мягко, почти с девичьей сентиментальностью, – «кошмарненько», лучше не скажешь. Но знаете... Мне стало гораздо легче. Увидимся в следующем месяце.

Они сели в свои машины, и Марин вдруг уже не впервые подумала, что порой только чья-то боль способна уменьшить ощущение твоего собственного несчастья.

Глава 4

Письмо от частного детектива застало ее врасплох. Секунд семь Марин стояла, словно окаменев, не в силах даже дышать. Она только что вышла из душа. Капли с ее мокрых волос падали на мраморную столешницу, пока она, наклонившись, взирала на имя Ванессы Кастро в почте на экране своего смартфона. Строка темы пустовала.

Она знала, что прошло именно семь секунд, потому что считала их. Досчитав до пяти, вспомнила, что Ванесса Кастро не стала бы писать ей, если б получила плохие новости. Не стала бы сообщать ей в письме, что ее сын умер. Марин сделала вдох, открыла письмо и прочитала его. Всего два предложения.

Привет, у вас есть время встретиться сегодня утром? Я буду в офисе к 10.

Она хочет встретиться? О боже. Какие бы жуткие новости ни планировала сообщить частный детектив, она захотела сделать это во время личной встречи.

Они не улавливались о том, как будут передаваться новости о Себастиане, если они появятся. Они вовсе не обсуждали этого. Ванесса Кастро сказала только – причем просто между прочим – что если она узнает нечто важное, то сразу

же позвонит.

Я приеду к вам. М. М.

Прошло четыреста восемьдесят шесть дней. Неужели сегодня ее ждет кошмар?

Нет, не может быть. Их встреча в десять, а сейчас только половина девятого. Если б частный детектив собиралась сообщить, что Себастиан мертв, то не заставила бы Марин ждать такой жуткой новости.

С другой стороны, возможно, так и будет. Если ее сын мертв, то какая разница, узнает ли она новость сейчас или через полтора часа?

Марин пыталась занять свой разум другими мыслями. Перед уходом из спальни она слегка прибралась. Сегодня придет убираться Даниэла, но это не значило, что она должна собирать одежду с пола или заправлять кровать. Это не заняло много времени: на стороне Дерека простыни по-прежнему не тронуты. Взбивая и без того взбитую подушку, Марин вдруг осознала, что понятия не имела, когда ее муж вернется из деловой поездки сегодня. В своем кратком сообщении накануне вечером он так и не уточнил время. С другой стороны, она не спрашивала. И он не предложил вместе поужинать. А она не предлагала сготовить ужин.

Вот как они теперь живут. Параллельной жизнью по большей части. Бок о бок, но не пересекаясь.

Проходя мимо комнаты сына, Марин коснулась двери. На

секунду, как поступала ежедневно. Там Даниэле убирать запрещено.

Сегодня утром она проснулась с легким чувством. Ей всегда хорошо спится после групповых встреч, к тому же вчера, вернувшись домой, она ничего не пила. И разница налицо: нет ни красных глаз, ни мешков под ними, ни легкой одутловатости. Начало дня могло бы быть хорошим, если б не письмо от частного детектива.

Спустившись на кухню, Марин включила кофеварку, которая могла делать все виды кофе, от капучино до латте – стоило просто нажать нужную кнопку. Дожидаясь кофе, Марин присела на стул около центрального острова и проверила список дел в ежедневнике мобильного. Найдя один номер в списке контактов, коснулась иконки звонка. После второго гудка, как обычно, включилась голосовая почта. Он никогда сразу не отвечал сам.

– Здравствуйте, доктор Чен, это Марин Мачадо. – Голос немного хриловат, ведь это первые слова, произнесенные ею за утро. – Из-за неотложного дела, связанного с моим сыном, я не смогу сегодня прийти на прием. Разумеется, я оплачу счет из-за позднего отказа. Все нормально. Спасибо.

Она помедлила, раздумывая, стоит ли договориться о переносе сеанса, но решила пока не делать этого и отключилась. Можно позвонить и позже – сейчас она не уверена, захочет ли снова видеть своего психотерапевта.

Доктор Чен ни в чем не виноват. Он хороший специалист.

Спокойный, умиротворяющий, понимающий, с ним легко говорить, в общем, ему присущи все те достоинства, которые вы хотели бы видеть в своем психотерапевте. Однако трудна сама терапия. Вы должны выполнять задания, и вам потребуется большое терпение, прежде чем они начнут приносить пользу. А на последнем приеме возникло... некоторое противостояние.

Марин наконец открыла свой секрет.

Такого она еще никому не осмеливалась говорить. К тому же она решила проверить доктора, оценить его реакцию, узнать, позволит ли он ей продолжать делать *это* или попытается заставить ее прекратить подобную деятельность.

Когда Марин наконец произнесла свое признание, на невозмутимом лице доктора Чена отразилось удивление, быстро сменившееся участливой озабоченностью. Тем не менее ему потребовалось много времени для обдумывания ответа, и в итоге он ответил мягко, но твердо. Марин предвидела, что он так скажет. И, возможно, именно поэтому сделала свое признание. Чтобы он сказал ей, что она поступала неправильно. Чтобы сказал ей не делать этого больше.

– То, что ты только что сказала мне, Марин, непродуктивно. – Голос его звучал сдержанно, но в нем точно не ощущалась тревога. Она проявилась в языке тела. – Более того, вредно для здоровья. На самом деле, я полагаю, что тебе стоит немедленно остановиться.

– Но я делаю это не каждый вечер. Даже не каждую неде-

лю. Только... когда не могу перестать думать о нем. Когда не могу унять беспокойство.

– Я понимаю. Но это не выход, – доктор Чен подался вперед, как поступал только когда чувствовал необходимость сделать важное замечание, – это... совсем не хорошо. Я очень обеспокоен тем, что подобное поведение усугубит твои мысли о членовредительстве. Не говоря уже о том, – продолжил он в своей безумно спокойной манере, вновь вальяжно откинувшись на спинку кресла, – что это запрещено. У тебя могут возникнуть серьезные неприятности. Тебя могут даже арестовать.

Она знала, что он так скажет. Ей просто нужно было услышать это от него самого. Она возражала, ее голос становился все громче, а его голос оставался на своем обычном диапазоне, пока не истекло время сеанса. Его огорчение, однако, было очевидным. Психотерапевты восприимчивы к эмоциям.

Оставив сообщение для доктора Чена, Марин написала Сэйди:

Увы, я не смогу все-таки приехать сегодня утром. Прости, я знаю, что обещала помочь тебе разобраться с договорами поставки.

Не бери в голову. У тебя все нормально?

Не уверена. Еду на встречу с частным детективом.

В переписке возникла пауза. Марин видела, как мерцают на экране три точки, пока Сэйди пыталась сформулировать ответ. Подруга вряд ли о чем-то спросит, она никогда не за-

давала вопросов, – но, вероятно, почувствовала, что Марин волнуется. Наконец, пришел ее ответ, и, как и предполагала Марин, он оказался милосердным и коротким.

Понятно. Пиши, если смогу чем-то помочь. хо¹¹

Она не представляла, как справилась бы без помощи Сэйдди.

Когда через месяц после исчезновения Себастиана ФБР сообщило, что поиски их сына не будут «прекращены», хотя в ближайшем времени не предвидится никаких новых зацепок для расследования (образно говоря, «его дело отложено в долгий ящик»), то у Марин возникло ощущение, что она еще раз потеряла ребенка.

И она плохо справилась с новым ударом. Смертельно плохо...

Когда неделю спустя ее выписали из больницы, первым делом она позвонила частному детективу. Кастро оставила свою визитку в пластиковой вазе на стойке регистрации центрального салона Марин, зайдя однажды к ним сделать педикюр. Каждый месяц в салонах проводилась лотерея на бесплатное обслуживание, но в тот раз визитка Ванессы Кастро не выиграла. Марин заметила ее только потому, что задела рукавом край вазы и опрокинула ее, в результате чего содержимое разлетелось по полу.

¹¹ ХО – модное сокращение от «hugs and kisses», что значит «целую-обнимаю». Логика в том, что буква «Х» напоминает сложенные бантиком губы и означает поцелуй, а буква «О» символизирует объятия между целующимися.

В этой визитке не было ничего особенно интересного – посередине простыми синими буквами было написано название агентства «Айзек & Кастро», а под ним мелким шрифтом: «Ванесса Кастро, частный детектив», – однако из двух дюжин упавших на плитки пола визиток только она лежала лицевой стороной вверх. Может быть, это единственное, что Марин нужно было увидеть. Пути мироздания порой забавно неисповедимы.

К тому времени с похищения Себастиана прошло две недели. Марин положила визитку в карман, а потом, выпившись из психиатрической клиники, позвонила по указанному там номеру.

Кастро раньше служила в полиции Сиэтла. Она специализировалась на поиске пропавших детей и сделала себе имя, поскольку искала их в тех местах, куда другие не хотели или не могли соваться. Чуждая условностей, она имела легкую склонность к бунтарству. Элегантная и утонченная с виду, эта женщина не боялась испачкать руки. При первой встрече она предложила называть ее Ванессой, что, по мнению Марин, прозвучало неуместно – они ведь не подруги, встретившиеся ради воскресного обеда. К тому же ее услуги оказались невероятно дороги.

Марин наняла эту сыщицу для поисков своего сына. Она не могла жить, сознавая, что никто не ищет его. Кто-то постоянно должен продолжать поиски.

Вопрос о том, похитил ли Себастиана кто-то знакомый

мальчику, стал яблоком раздора между Марин и полицией – а позднее и ФБР. Никто не нашел никаких свидетельств, позволявших предположить, что похититель был другом или знакомым семьи; ей привели статистические данные о похищениях посторонними лицами, туманно пояснив, что число таких случаев «невелико, но значительно». Костюм Санты, по их мнению, свидетельствовал о намерении украсть ребенка – возможно, любого ребенка из многолюдного, заполненного суетливой толпой рынка: похититель сообразил, что для малышей нет более соблазнительного представителя Рождества, чем Санта-Клаус. Даже ребенка, невольного не доверяющего взрослым, можно соблазнить красным костюмом и белой бородой. Что касается леденца, то ведь они с Себастианом находились как раз рядом с кондитерской лавкой. И если уж кто-то планировал похитить мальчика, то он (или она) мог подслушать их разговоры.

Марин не согласилась с такой версией событий. Она могла признать, что Себастиан ребенок общительный – причем вполне доверяющий взрослым в целом, – но он никогда не позволил бы увести себя *вот так*, без оглядки на нее. И откуда вообще Санта мог узнать, что ему хотелось именно такой леденец? Марин просматривала зернистые кадры с камеры наблюдения множество раз. Она знала своего сына лучше, чем кто-либо на земле. Ему нравился Санта, но он уже успел понять, что реальное присутствие Санты-Клауса пугает его. Он обязательно оглянулся бы на Марин и убедился,

что она разрешает ему уйти.

Если только его не уводил кто-то знакомый.

Но все знакомые их семьи были опрошены. Все без исключения. И у каждого проверили алиби. За последний год Кастро повторила всю работу ФБР и провела еще множество проверок сверх того.

На их последней встрече Марин попросила расширить поиск и проверить всех их с Дерексом сотрудников. И всех ее клиенток. Компания Дерекса в начале декабря традиционно проводила праздничные вечеринки для семей сотрудников, а Марин проводила нечто подобное летом, устраивая в благодарность сотрудникам барбекю. Любой, кто был на этих вечеринках, познакомился бы с Себастианом. Марин считала нужным проверить их всех, поэтому Кастро начала поиски с ближайших к Дерексу и Марин сотрудников.

Она вдруг задумалась: «Что, если именно Сэйди увела Себастиана? Неужели именно об этом собиралась сообщить частный детектив?»

Эта мысль впервые залетела в голову Марин, и ее громкий смех тут же прорезал тишину кухни. Разумеется, Сэйди тут ни при чем. Более того, у нее только что родился *свой* ребенок. Зачем ей мог понадобиться еще и ребенок Марин?

Дождавшись кофе, она перелила его в высокую розовато-золотую чашку с выгравированным сбоку логотипом салона. Они продавали такие во всех трех салонах по шестьдесят пять долларов, что являлось возмутительно дорогой це-

ной за кофейную чашку, но клиенты регулярно покупали их для себя и в качестве подарков. Иногда Марин пила из нее вино. Но не сегодня.

Сев в машину, Марин задумалась, не стоит ли ей звякнуть Дереку в Портленд, сообщив о возможности плохих новостей. Несмотря на эмоциональную дистанцию между ними, она была бы не против услышать сейчас его голос, всегда такой успокаивающий и деловой. Он, безусловно, напомнил бы ей, что если б у Ванессы Кастро – бывшего копа и профессионального частного детектива – появились реальные новости о Себастиане, то она сразу же сообщила бы их, не заставляя ее дожидаться личной встречи.

Марин хотела бы поговорить с ним, но не могла. Она не могла ни черта рассказать Дереку.

Ведь он до сих пор не знал, что она наняла частного сыщика.

Глава 5

– Как там с пробками? – поинтересовалась Кастро, когда Марин приехала в ее небольшой офис во Фримонте.

Она никогда не спрашивала Марин о делах или самочувствии. Это и так было ясно. Детектив, видимо, сама только что приехала. Еще даже не сняла куртку.

– На мосту постояла, но не слишком долго, – ответила Марин, заметив также, что с ее посещения офиса в прошлом месяце обстановка несколько изменилась.

Маленький аквариум, раньше стоявший на нижней полке книжного шкафа у стены, сейчас переместился на угол письменного стола, где Марин могла отлично видеть его. В аквариуме жила всего одна рыбка. У нее был большой ярко-красный хвост, и Марин с любопытством наблюдала за ее передвижениями, пока Кастро включала компьютер.

Они встречались раз в два месяца, хотя, по правде говоря, все вопросы, решаемые на этих встречах, можно было бы разрулить по телефону или электронной почте. Тем не менее Кастро, очевидно, понимала, что общение лицом к лицу с матерью пропавшего ребенка необходимо для благополучия самой матери, и на таких личных встречах она говорила с Марин терпеливо и откровенно. А по мнению самой Марин, встречи с частным детективом помогали ей лучше, чем сеансы психотерапии.

– Спасибо, что смогли так быстро приехать. – Кастро поставила перед ней бутылочку воды.

Обычно она предлагала кофе, но сегодня все, казалось, происходило по-новому.

– Естественно, – Марин вглядывалась в лицо детектива, пытаясь прочесть хоть какой-то намек на то, что сейчас ей предстоит услышать ужасные новости. Но выражение лица Кастро оставалось практически непроницаемым. Разве что проявилось легкое смущение.

– Итак... – Кастро помедлила, – новости не касаются Себастиана.

Марин осознала, что до сих пор сидела затаив дыхание, только теперь, когда вздохнула с облегчением. «Ох, слава богу». Взяв бутылочку воды, она отвинтила крышку и сделала большой глоток.

– Простите, – лоб детектива прорезали легкие морщины, – мне не хотелось пугать вас. Наверное, следовало сразу написать об этом в письме.

– Все в порядке. – На самом деле Марин сильно испугалась, но сейчас испытывала лишь облегчение. – О чем же тогда пойдет речь?

– В общем... – Кастро вновь нерешительно помедлила, и хотя Марин больше не беспокоилась, она не представляла, что могло вызвать такое смущение детектива. В конце концов раньше эта женщина работала в полиции. – Похоже, что ваш муж с кем-то встречается.

«Что-что?» Марин глотнула воды, пристально глядя на свою собеседницу и не вполне понимая сказанное.

– Что вы имеете в виду?

– Я не знаю, конечно, как у вас двоих дела, но в последний раз, когда мы разговаривали, вы не упомянули о разводе.

– Так мы и не думали разводиться.

– Тогда мне очень жаль, но придется сообщить вам, что у вашего мужа роман.

Марин недоверчиво прищурилась. Она слышала слова, сказанные детективом, и не нуждалась в их повторении, хотя, возможно, предпочла бы, чтобы Кастро выбрала менее значимое существительное. Они немного помолчали. Марин, казалось, ждала продолжения, но его не последовало.

О каком *романе*, черт возьми, говорит эта женщина? Не по этой же причине она вызвала ее сегодня! Ведь ее наняли искать *ребенка*...

Словно прочитав ее мысли, Кастро вывела что-то на экран своего компьютера и развернула его к Марин. Та увидела отличную цветную фотографию Дерека. С какой-то девицей.

Марин разглядывала снимок с открытым ртом. Ее мозг, очевидно, стремился к отдельному восприятию всех представленных ей деталей; общий план не укладывался в сознании. Волосы. Одежда. Лица. Руки. Дерево. Тротуар. Обувь. Улыбки. Возраст. Этнические особенности. Женщина рядом с Дерексом немного напоминала Оливию Манн¹². Но эта осо-

¹² Оливия Манн (р. 1980) – американская актриса, модель, телеведущая и пи-

ба определенно моложе – Марин дала бы ей лет двадцать пять. Внезапно ее сознание озарилось искрой узнавания. Что-то знакомое привиделось ей в форме подбородка и разрезе глаз. Но потом Марин прищурилась, и ощущение дежавю исчезло. Перед ней вновь маячила незнакомка.

Под руку с ее мужем.

Кастро щелкнула мышкой, и фотография сменилась другой, сделанной в один и тот же день, – вероятно, через минуту-другую.

Теперь незнакомка *целовала* ее мужа. Страстно. На улице. Средь бела дня.

– Их сфотографировали вчера днем. В Портленде. – Частный детектив отлично знала, как сообщать плохие новости. Тон ее голоса был выразителен и благожелательно нейтрален. Она могла бы стать ведущей на местной новостной станции – зачитывать там тексты с телесуфлера, рассказывая зрителям о каком-то произошедшем в мире разрушительном событии, прежде чем предоставить очередное слово ведущим новостей спорта и прогноза погоды.

– Мне прислал их мой информатор. Жаль, что вам пришлось узнать об этом от меня.

Так Дерек отправился не просто по делам – он уехал по делам со своей... со своей... *любовницей* – вот первое пришедшее на ум слово. *Подружка, возлюбленная, похитительница мужей* и *шлюха* тоже приходили на ум, но по какой-то

причине более уместным показалось именно слово *любовница*. По ощущениям, оно звучало более отвратительно и чертовски скандально.

«Ну а чего же ты ожидала?» – прошептал в ее голове тихий голос, и Марин мысленно прихлопнула его, как зудящую муху. Однако голосок не затих: он продолжал зудеть, и зуд этот становится все громче и назойливее. Если она не возьмет себя в руки, то у нее случится приступ паники прямо здесь, в офисе частного детектива.

Кастро с беспокойством наблюдала за ней.

– С вами все в порядке?

Марин, похоже, онемела. Она смогла лишь кивнуть, закрыть глаза и сделать несколько глубоких вдохов сквозь стиснутые зубы. Ее вспотевшие руки обхватили мягкие подлокотники кресла, в то время как часть ее мозга усиленно оценивала ситуацию. По логике, она понимала, что ей ничего не грозит. Сердце не раскололось надвое, белый свет не померк, стены комнаты не раздавили ее. Как бывший полицейский, Кастро наверняка знала, что такое реанимация, если до такого дойдет. Как бы то ни было, сегодня Марин умирать не собиралась.

У нее в сумочке лежали таблетки «Ксанакс», но она сочла ниже своего достоинства принимать их сейчас: не хотелось, чтобы кто-нибудь знал, что удерживаться на плаву ей помогали успокоительные. Медленно сделала еще пару глубоких вдохов. И вскоре сердечный ритм замедлился, возвращаясь

к норме. Она открыла глаза. Ее взгляд медленно сфокусировался на лице детектива.

– Вот сукин сын. – Потянувшись за бутылкой воды, она спросила: – Он и сейчас с ней?

– Вообще-то, сейчас они не вместе. – Кастро умудрилась придать своему голосу оттенки мягкости и профессионализма. – Вчерашний день они провели вместе, а рано утром она села в Портленде на поезд. Я проверила ее страницу в Инстаграме¹³. Там упоминалось о каких-то сегодняшних занятиях.

Портленд. Поезд. Инстаграм. Занятия. Это уже слишком. Марин вновь закрыла глаза, словно это могло помочь ей вытеснить из головы образы, навеянные словами Кастро. Не сработало. Они уже отпечатались в ее сознании.

– Она что, учитель?

– Аспирантка. В художественном колледже.

Марин поморщилась.

– Сожалею, – Кастро покачала головой. – Уверена, это еще ни о чем не говорит.

– И сколько же ей лет?

– Двадцать четыре.

Двадцать четыре года, художница. Аспирантка, черт ее побери... Марин вновь открыла глаза. Ее взгляд встретился

¹³ Здесь и далее: 21 марта 2022 г. деятельность социальных сетей Instagram и Facebook, принадлежащих компании Meta Platforms Inc., была признана Тверским судом г. Москвы экстремистской и запрещена на территории России.

с глазами детектива. Она смотрела с выражением такого искреннего сострадания, что Марин едва не расплакалась.

Немного помедлив, Кастро начала рассказывать, как ей удалось обнаружить эту историю. Она изучала сотрудников Дерек, и ее заинтересовали двое работников его фирмы в Портленде. Тогда Кастро связалась со своим знакомым копом в Орегоне, который по выходным подрабатывал детективом, и поручила ему покопаться в их прошлом. Он выяснил, что оба сотрудника имели столкновения с полицией и обоим были предъявлены обвинения, хотя в конечном счете обвинения в обоих случаях были сняты.

– И за что их задерживали? – спросила Марин, пытаясь сосредоточиться на деталях расследования и не видеть перед мысленным взором то, как страстно целует ее мужа молодая девица.

– Одного – за драку в баре; другую обвинили в нападении на соседку.

– Другую?

– Очевидно, они не ладили, – по губам Кастро промелькнула легкая улыбка. – Все началось с того, что одна обвинила другую в краже керамических садовых гномов.

Далее Кастро рассказала, что ее помощник из Портленда оказался возле отеля, где остановился Дерек, и тогда случайно заметил, как муж известной ему Марин выходит из боковой двери с неизвестной женщиной. Заинтересовавшись, он решил немного последить за ними. Они отправились ужи-

нать в популярную таверну «Генри» в районе Перл-Дистрикт¹⁴.

Услышав последние слова, Марин вновь поморщилась. Эта таверна была одним из ее любимых местечек, и они с Дерекком, бывая раньше в Портленде, ужинали там хотя бы раз. Там делали отличный коктейль «Маргарита» с манго. И потрясающе готовили кальмаров. А к обалденно вкусной темпуре, щедро приправленной молотым перцем и морской солью, подавалась изрядная порция соуса айоли¹⁵ с халапеньо¹⁶.

– А зачем вообще ваш помощник потащился к тому отелю? – Марин пыталась выкинуть из головы образ мужа, угощавшего любовницу жареными кальмарами. Ведь вряд ли он стал бы заказывать там их обычные закуски...

– Он просмотрел записи телефонных звонков того сотрудника, которого полиция задерживала за драку в баре, и обнаружил десятиминутный разговор с номером из отеля «Монако». Решил последить за этим отелем, а когда увидел, что Дерек вышел с незнакомой особой, сделал снимки и отправил их мне. Кстати, зацепка с отелем оказалась ложной. Выяснилось, что шурин сотрудника, фанат баскетбола, приехал

¹⁴ Перл-Дистрикт – пешеходный торговый район Портленда, переоборудованный из старой фабрики.

¹⁵ Айоли – соус из чеснока и оливкового масла.

¹⁶ Халапеньо – сорт стручкового перца.

в город на игру «Блейзерс»¹⁷, и они просто обсуждали планы встречи. Как раз шурин и звонил ему из своего номера.

На экране появилось новое фото. Парочка в ресторане. Дерек что-то весело говорил, взметнув руки в выразительном жесте. Его любовница смеялась. Перед каждым из них стояло по коктейлю. Классический для Дерека традиционный аперитив: даже если б Марин не знала этого коктейля, то его с головой выдавал апельсиновый ломтик. А любовница предпочла нечто розовое под зонтиком... может, клубничный дайкири?

Да, они закусывают гребаными кальмарами...

Больше всего Марин удивила острота собственного го потрясения, когда она наконец осознала данность измены, несмотря на то что уже чувствовала ее, даже знала о ней на каком-то подсознательном уровне. При всей своей отстраненности, она многое замечала. Скоро у них с Дерексом двадцатилетие свадьбы, и хотя она занималась самолечением, попивая вино почти каждый вечер, осознавала, как изменилась их семейная жизнь. Дело не только в том, что они давно не занимались сексом или что Дерек стал все чаще и чаще уезжать по работе, причем на длительные сроки. А в том, что когда он бывал дома, то их все равно разделяла эмоциональная трещина, и к настоящему времени она достигла едва ли не континентальных размеров.

¹⁷ «Портленд трэйл блэйзерс» – американский профессиональный баскетбольный клуб, выступающий в Национальной баскетбольной лиге.

...— Я не отправила вам письмо вчера вечером, потому что мне захотелось сначала копнуть поглубже. Ведь я понимала, какие у вас могут возникнуть вопросы.

— Давно?

Смочив пересохшее горло очередным глотком воды, Марин опустошила бутылочку. Кастро выбросила ее в мусорную корзину около стола и поставила перед ней новую воду.

— Минимум полгода, насколько я могу судить. — Кастро опять начала что-то печатать на клавиатуре компьютера.

Полгода. *Уже ПОЛГОДА*. Значит, не просто интрижка. Отношения более серьезные.

Марин глубоко вздохнула, осознав весомость проблемы. Куда же, черт возьми, она смотрела целых шесть месяцев, раз ничего не заметила? Ну, конечно, не на драгоценного мужа. Ее отвлекало стремление выжить и терзали мысли об их пропавшем ребенке. Как и любую мать в ее положении.

Фото из ресторана исчезло с экрана, и Марин попыталась настроиться на получение еще одной эмоциональной ножевой раны. Но появилась не очередная фотография, а какая-то электронная таблица. Записи телефонных звонков Дереха. Кастро быстро прокрутила страницы, где она уже выделила каждый случай появления телефона этой любовницы — либо как инициатора, либо как получателя звонка. Они мелькали на экране яркими желтыми полосами. Судя по всему, эти двое находились в постоянном контакте.

— С тех пор, как появились телефонные записи, прошло

шесть месяцев. Я могла бы копнуть еще дальше, но к этим сведениям пришлось бы получать доступ более сложным путем. Да и эти звонки удалось просмотреть лишь потому, что у вас с мужем общий мобильный аккаунт.

Марин не собиралась спрашивать, как Кастро вообще получила доступ к записям. На их первой встрече в прошлом году она дала предельно ясные инструкции. «Загляните в каждую щелку. Не оставляйте камня на камне. Следуйте за каждой защепкой, куда бы она ни вела, невзирая на звания и лица». Она ожидала... нет, она *требовала* полной прозрачности. Марин хотела знать все, что сможет обнаружить частный сыщик.

Кастро ответила, что она может это сделать, но предупредила, что ее методы нетрадиционны. Чем меньше Марин будет знать о том, как ведется расследование, тем будет лучше. А потом добавила, что клиентам не всегда нравятся ответы и что иногда с оставшимися без ответа вопросами легче жить, чем с правдой.

И вот она, правда... Муж, с которым Марин прожила почти двадцать лет, развлекается с молодой красоткой. Уже, черт возьми, как минимум шесть месяцев.

Ее пересохшее горло саднило, словно по нему прошлись наждачной бумагой. Марин открыла вторую бутылку воды.

– Раньше Дерек посещал фирму в Портленде раз в месяц. Теперь стал уезжать каждую неделю, и частенько задерживается там на несколько дней. Его компании предоставляют би-

леты на игры «Блейзерс», – запнувшись, добавила она, словно это все объясняло, то есть как-то оправдывало то, что он почти перестал бывать дома. И внезапно, в приступе своеобразного мазохизма, спросила: – У вас есть еще фотографии?

Кастро вновь щелкнула кнопкой мышки, и экран заполнила очередная фотка. Дерек держал в объятиях эту тощую аспирантку. На лицах обоих – милые улыбки. И снова Марин кольнуло ощущение того, что она видела эту девицу раньше. Ей редко приходилось задумываться о таких деталях – ведь она владеет тремя салонами, которые посещают тысячи клиентов, причем большинство из них женщины. Возможно, любовница Дерекы – как раз одна из тех, кто заходил сделать стрижку или маникюр? Это смутное ощущение, однако, рассеялось, прежде чем она сумела выловить из глубин памяти нужные образы.

Новости настолько ошеломили Марин, что она даже лишилась способности реального восприятия внешности своей соперницы. От одного взгляда на нее становилось тошно. Она не могла толком рассмотреть женщину, чтобы решить, красива ли она, или понять, что именно привлекло ее мужа. К тому моменту, как Марин начала что-то понимать, к горлу подступила тошнота, и пришлось быстро переключаться на самого Дерекы. А взглянув на него, она увидела лишь его улыбку. И то, с каким выражением он взирал на свою любовницу. *Так* он не смотрел на Марин уже давно.

Если быть точной, то четыреста восемьдесят шесть дней.

И снимки получились четкие, полноцветные, хотя она скорее ждала бы зернистых и размытых черно-белых фоток. Все не так, как она себе представляла. В фильмах частный детектив, уставший старикан, циничный и одинокий, в мятом дешевом костюме, снабжал вас плохими новостями о супружеской измене в виде напечатанных фотографий, доставленных в желтоватом официальном конверте. В реальности частным детективом стала женщина, примерно одного возраста с Марин, вполне привлекательная, в обтягивающих синих джинсах и стильном пиджаке. На ее пальце не поблескивало обручальное кольцо, но в наше время это ничего не значит. Кастро частенько поглядывала на кольцо Марин, как и любая другая женщина. Десять лет назад Дерек обновил ее обручальное кольцо, и теперь Марин носила на пальце бриллиант в пять карат изысканной огранки Ашера¹⁸. В то время такой размер казался разумным – большинство женщин их социального круга имели бриллианты того же или даже большего размера, но здесь, в маленьком офисе, с его простецкими желтыми стенами и цветами в горшках, где в крошечном аквариуме плавала одинокая рыбка, а на экране компьютера красовались фотографии Дерека и его любовницы, ее кольцо воспринималось как издевательство. Огромное. Вульгарное. Дорогое. Но разве не к этому всегда стремилась Марин? Чтобы все знали, как хорошо они живут, какая у них удач-

¹⁸ Огранка Ашера – ступенчатая огранка, имеющая форму, приближенную к восьмиугольнику.

ная и счастливая – это слово ей теперь особенно ненавистно – семья?

У нее возникло желание снять чертово кольцо с бриллиантом и кинуть его в аквариум. Ее глаза обожгли подступившие слезы, и она, отчаянно моргая, пыталась загнать их обратно. Смотрела на фото Дерека и его любовницы, но видела сквозь слезы лишь размытое изображение, бессмысленный хаос цветов и форм.

– Я должна ответить, – внезапно заявила Кастро. – Оторвав взгляд от экрана компьютера, Марин увидела в руках у детектива мобильник, хотя не слышала никакого звонка. – Простите, я скоро вернусь.

Дверь офиса закрылась. Марин не слышала, как она говорит в приемной, где стоял стол секретарши, но не было самой секретарши. Чуть погодя она догадалась, что не было никакого звонка. Кастро просто дала своей клиентке немного времени прийти в себя или, если ей нужно, выплеснуть свою ярость. Очень любезно с ее стороны, но Марин не собиралась давать волю чувствам. По крайней мере, сейчас. У нее хорошо получалось притворяться. Она знала, что сможет сдерживать свои чувства, пока не вернется домой, а уж там, без посторонних глаз, позволит себе выплеснуть все эмоции, запивая таблетки вином.

Марин стала слишком самоуверенной. Это единственное объяснение. Особенно, когда родила Себастиана, после четырех сложных раундов ЭКО. Ей было дано слишком мно-

го денег, слишком много успеха, слишком много любви от мужа и ребенка, поэтому, видимо, Вселенная решила исправить дисбаланс избытка, забрав то единственное, что имело для нее значение.

Ее сына.

Началось чувственное оцепенение, и Марин порадовалась ему. Она знала по опыту, что люди не способны долго терпеть сильную эмоциональную боль – со временем чувства начинают притупляться. Таков способ выживания организма, и он дает не столько облегчение, сколько отсрочку. Боль вернется. Марин прочувствует каждую ее унцию позже – и, ощутив всю ее глубину, быстро, пока мучительная обида не стала смертельной, разбавит ее «Ксанаксом» с бутылочкой «Каберне Совиньон».

Дверь кабинета вновь открылась.

– Я вернулась, – Кастро заняла свое место.

Марин заметила – причем не в первый раз, – насколько она стройна. У нее, должно быть, четвертый, а может, даже второй размер¹⁹. Марин никогда не была настолько худенькой. Даже в шестнадцать лет, когда страдала от булимии.

Детектив пристально взглянула на нее. Марин знала, что выглядит прекрасно, и задумалась, не осуждает ли ее за это Кастро. Может, она считала, что после новости об измене Дерекы Марин более пристало сейчас истерично психовать, чем стойко держаться? Ей хотелось бы понравиться Кастро.

¹⁹ Размеры соответствуют российским 42–40.

Но Марин хотелось также, чтобы она понимала, а не жалела ее.

Она всегда с трудом воспринимала проявляемую к ней жалость, особенно от других женщин. С другой стороны, жаждала от них справедливого признания ее заслуг. Она подозревала, что корни такого отношения к жизни тянулись от ее матери, до самой смерти остававшейся с ней крайне строгой.

– Я собрала для вас небольшое досье, если захотите взглянуть на него, когда вернетесь домой, – сообщила Кастро, печатая что-то на клавиатуре, – и только что отправила его на вашу электронную почту.

Через пару секунд смартфон Марин завибрировал. Вытащив его из кармана, она убедилась, что письмо благополучно прибыло. Открыла его и скачала.

– Все в порядке, получила.

– Я хочу быть честной с вами. – Детектив выглядела огорченной, впервые с момента их знакомства. – Получив эти фотографии, я сомневалась, стоит ли мне сообщать о них вам. Ведь вы наняли меня для другого дела, но я подумала, что вы, вероятно, уже знаете об этом романе... В общем, не хотелось попасть в неловкое положение. У вас и так хватает проблем...

– Вы поступили правильно. Я же с самого начала откровенно просила вас сообщать мне все, что вам удастся обнаружить. Не беспокойтесь. Я предпочитаю знать. Как раз неиз-

вестность меня уже достала.

– Ладно, – Кастро облегченно вздохнула, – так я и подумала.

Марин заметила, что детектив глянула на часы. Должно быть, на сегодня они закончили. Допив вторую бутылку воды, она потянулась за своей курткой. Ее движения были несколько заторможенными, как в замедленной съемке. Эмоциональное потрясение выбивает человека из привычной колеи.

– Еще один момент, прежде чем вы уйдете, – мягко произнесла Кастро. – Может, сейчас самое время пересмотреть наши цели?

– Что вы имеете в виду? – помедлив, спросила Марин, положив куртку на колени. – Мои цели не изменились.

– На нашей последней встрече я сообщила вам, что повторила все расследования, проведенные полицией шестнадцать месяцев назад. И никто в ваших внутренних или внешних социальных кругах не вызвал ни малейших подозрений. Я проанализировала данные всех бывших и нынешних сотрудников Дерека, его деловые контакты, ваших сотрудников, ваши деловые контакты и весь список ваших клиентов за год до исчезновения Себастиана. Записи с рыночной видеокамеры тщательно изучили два независимых криминалиста, нанятые мной лично. Ничего нового не всплыло. Прошло уже больше года, а у нас нет никаких новых зацепок.

Марин подумала, что догадалась, к чему клонит частный

детектив, и быстро взяла себя в руки. Полиция Сиэтла и ФБР провели всесторонний поиск. В течение двух часов фотография их сына появилась во всех местных новостях, а уже на следующий день посвященное ему сообщение о пропавших детях стало популярным в Фейсбуке и Твиттере. Через несколько дней это дело привлекло к себе внимание всей страны, что вызвало обвинения в классовости и элитарности, поскольку власти, как представлялось, придавали делу Мачадо особое значение. Но ни Марин, ни Дерек не могли за это извиняться. Почему бы не использовать все имевшиеся у них преимущества? Какой смысл иметь деньги и влиятельных друзей, если те не могут помочь в случае необходимости? Они отчаянно пытались найти своего сына. Любые родители поступили бы так же.

Кастро пристально следила за ней, и Марин заставила себя сосредоточиться.

– Я не хочу зря тратить ваше время и деньги, но чувствую, что мы пришли к такому моменту, где я могу сказать вам... – Кастро вздохнула и опустила руки на колени. – Я понимаю, что мои слова покажутся вам бессмысленными и невероятно, мучительно несправедливыми, но в большинстве случаев... подобные похищения как раз не имеют личных связей.

Господи Иисусе. Марин терпеть не могла такие обобщения. То же самое говорили ей в полиции. И доктор Чен тоже так говорил. Но от того, что похититель мог быть посторонним, легче не становилось. Совсем не легче думать, что

ее четырехлетнего ребенка похитили только потому, что тот оказался в непосредственной близости от неведомого психопата.

Но Марин ничего не ответила Ванессе Кастро. Она держала себя в руках. Ведь частный детектив просто делает свою работу.

– У нас есть еще более двух с половиной тысяч неиспользованного предварительного гонорара, и я более чем готова продолжать поиски, но думаю, что в данный момент вы, возможно, захотите рассмотреть...

– Мы же еще не закончили. – Пылкая сила голоса Марин удивила их обоих.

Ее горло больше не пересыхало. Она снова стала похожа на саму себя, решительную и властную, настоящую «леди-босс», как выразилась бы Сэйди.

– Мы ни на шаг не продвинулись в поисках. И я хочу, чтобы вы продолжали искать.

Их взгляды скрестились. Лицо сыщицы оставалось непронацаемым и спокойным, но Марин могла представить, как та усиленно пытается прочесть ее мысли. Однако Кастро молчала, и с каждой секундой весомость сказанного ею раньше только увеличивалась.

– Ванесса, – нарушив молчание, с надрывом произнесла Марин, – пожалуйста, Ванесса...

Прежде она еще не называла частного детектива по имени.

Кастро вновь глянула на ее кольцо. Если сейчас она одинока, то раньше, видимо, была замужем. Марин интуитивно почувствовала это. Вероятно, у нее есть дети. Это Марин тоже почувствовала. Матери узнают друг друга – по отпечатавшихся на их лицах усталости, уязвимости и своеобразной покровительности. Марин вдруг захотелось отдать детективу свое чертово кольцо, пусть только она продолжит поиски.

– Я понимаю, что вы не можете обещать мне положительные результаты, и я никогда не ожидала этого. Просто мне необходимо, чтобы вы пообещали делать все возможное, все, что в ваших силах. – Марин уже полностью вошла в роль босса, говоря с детективом так, как могла бы говорить с одним из своих сотрудников. С тем, кто весьма ценен, но, возможно, нуждается в небольшой мотивации. – Кстати, что касается этого романа? Какого типа особа спит с моим мужем? Чего она реально хочет? Дерек не знаменитость, но достаточно часто мелькает в СМИ. Мы оба мелькаем... Ей, должно быть, известно, кто мы и что потеряли. По-моему, стоит копнуть ее прошлое. Я понимаю, что вы не можете посвящать моему делу все ваше время, – подавшись вперед, добавила Марин, – разумеется, у вас есть и другие клиенты. Но когда вы сможете, когда у вас будет время... Мне необходимо знать, что кто-то продолжает искать моего сына. Если вам нужно больше денег, то всегда пожалуйста.

Голос Марин задрожал. Она снова стала матерью, а не боссом или клиенткой. Она смущенно слышала, как дрожит ее

голос; казалось, она просто умоляла Кастро, теряя контроль над собой. Да, она готова была умолять ее.

– Но если вы действительно чувствуете, что исчерпали все возможности, то у меня не будет выбора, кроме как найти другого детектива и начать все заново. Пожалуйста, Ванесса, не вынуждайте меня делать это. Прошу вас.

Если Ванесса Кастро сейчас скажет, что исчерпала все свои способы поиска, то Марин не знала, сможет ли пережить ее отказ. Когда полицейские в прошлом году заявили, что они сделали все возможное, то это было практически так же опустошительно, как изначальная потеря Себастиана.

Она знала, каковы статистические данные о пропавших детях. Знала, что большинство из них умирает через несколько часов после исчезновения. Она все понимала. Но если Кастро бросит поиски, то, значит, она считает Себастиана умершим. А если он умер, то умрет и Марин.

– Марин, я буду продолжать поиски, пока вы сами от них не откажетесь. – Детектив также впервые назвала ее по имени.

Опять же, она как будто прочитала мысли клиентки, и Марин возблагодарила бога за то, что нашла именно ее визитку. Ванесса Кастро оказалась самым подходящим человеком для таких поисков. Возможно, единственным человеком...

– Я обещаю, договорились? Я не прекращу поиски, пока вы не отмените их, и я обещаю, что ваше дело останется приоритетным в моей работе. Не беспокойтесь об этом. Мы

всегда будем искать его. Я отлично понимаю вас. И всецело поддерживаю.

Марин с облегчением откинулась на спинку кресла. Ее глаза вновь обожгли слезы. И все-таки она не позволила им пролиться.

Ее ноги слегка дрожали, когда она поднялась с кресла, и ей лишь со второй попытки удалось натянуть куртку. Она знала, что, добравшись до своей машины, даст волю слезам, но порадовалась, что удалось не расплакаться в офисе. Она мысленно простилась с рыбкой, вильнувшей своим большим ярким хвостом перед тем, как спрятаться за пластиковыми водорослями.

Кастро проводила ее в небольшую, скудно обставленную приемную. Они пожали друг другу руки. У Ванессы крепкое рукопожатие, добрая улыбка. В любой другой ситуации эти две женщины могли бы стать подругами. Именно такого человека Марин могла бы пригласить на банкет женщин-предпринимателей – она возглавляла этот комитет.

Кастро помедлила в приемной, явно желая что-то еще добавить. Марин могла быстро уйти – или дождаться заключительных слов детектива. Она решила, что будет невежливо сразу сбежать, и задержалась в дверном проеме.

– Простите, мне жаль, что так получилось с вашим мужем.

При всей благожелательности, эти слова разозлили Марин. Чего ради она извиняется? Почему женщинам вообще это свойственно? Кастро ведь поведала ей не о каком-то сво-

ем ужасном проступке; она доложила о том, что узнала о любовнице мужа своей клиентки. Не она ведь обманула Марин. Обманул Дерек. С двадцатичетырехлетней аспиранткой.

И, тем не менее, прощения просила именно Ванесса Кастро. Может, это формальные или утешительные слова, но, черт возьми, Марин до тошноты устала от женщин, терзавшихся из-за того, в чем они не виноваты. Ей и самой осточертело извиняться в том, в чем сама она не виновата.

Но она не поделилась с Ванессой Кастро своим раздражением. Эту тему они смогут обсудить в другой раз. Спокойно поблагодарив детектива, Марин вышла из офиса и, уже спускаясь по лестнице, почувствовала, как ее начало потряхивать. К тому времени, когда она села в машину, ее душу раздирали безмолвный вопль.

Она чертовски разъярилась. И эта ярость, словно горячий воск, затвердев, покрыла защитной оболочкой все самые сентиментальные, мягкие и уязвимые части ее души.

Марин порадовалась нахлынувшей злости. Прошло много времени с тех пор, как она испытывала такой гнев. Пусть же гнев наконец возобладает над печалью. За последние четыреста восемьдесят шесть дней скорби удалось сбить ее с ног, ослабить, запутать, подвинуть на нежеланные и не свои собственные ей поступки.

Ярость же, с другой стороны, поможет ей покончить с дерьмовой жизнью.

Глава 6

Кошмары порой воспринимаются на редкость странно. Ваше тело и разум как будто разделяются, и вы перестаете быть цельной личностью. Тело продолжает делать то, что необходимо для выживания – есть, переваривать съеденное, спать и так далее, – в то время как ваш мозг продолжает разделяться на отсеки, раскладывая по ним то, что «Необходимо Осмыслить Сейчас», и то, с чем «Следует Разобраться Позже, Когда Вы Будете Мыслить Здравомысленно».

Марин жила в душевном онемении так долго, что вспышка гнева застала ее врасплох. Словно некая ее ипостась пробудилась после глубокого сна. Ощущение покалывания в онемевших членах болезненно, однако оно полезно, поскольку напоминает о том, что вы еще живы.

Марин отправила Сэйди сообщение.

Сегодня не появлюсь. Нужно время, чтобы прийти в себя. Не беспокойся, я в порядке.

Сэйди ответила мгновенно. Ей, наверное, не терпелось узнать, что Марин сообщили в офисе детектива, но она не будет спрашивать. «Я в порядке» – это все, что ей сейчас нужно знать. Сэйди – одна из немногих, кому Марин доверяла.

Понятно. Я все устрою. Береги себя.

Сэйди прицепила к сообщению фотографию своей дочери, Эбигейл, в комбинезончике с розовым слоником, подаренным Марин в прошлом месяце на ее первую годовщину. Фотки Эбби всегда вызывали у Марин улыбку, и она послала в ответ сердечко.

В кои-то веки дождь прекратился, поэтому она, опустив боковое стекло машины, вдохнула свежий весенний воздух. Значит, впереди у нее свободный день, но ей хотелось лишь скорее добраться до дома.

Их дом в районе Капитолийского холма²⁰ не походил на шикарный особняк, но при своей общей площади около четырех сотен квадратных метров он выглядел потрясающе красиво. В две тысячи девятом году они купили развалины, заново отстроив их снизу доверху, продолжая ютиться в крошечном доме с двумя спальнями в жилом районе Королевы Анны. Сейчас они сдавали его в аренду. Их прошлый дом стоил чуть больше миллиона баксов, а нынешний – более пяти. Всегда полезно знать реальные рыночные цены, даже если вы не помышляете о продаже.

Проехав по подъездной аллее в гараж, Марин вошла оттуда в дом по коридору, ведущему прямо в кухню. Когда здесь жил Себастиан, этот коридор всегда бывал в чудовищном

²⁰ Капитолийский холм – один из самых популярных ночных развлекательных районов Сиэтла.

беспорядке. Башмаки, туфли, игрушки, худи и варежки, потерявшие пару, были постоянно разбросаны по полу, хотя их сыну отвели личный шкаф с вешалкой, где его вещи могли храниться в порядке. На шкафчике даже имелась табличка с его именем. Одна из ее клиенток – вдобавок связавшая ему тот самый свитер с оленем – сделала им подарок, написав идеальным витиеватым курсивом имена всех членов семьи Мачадо на отполированных деревянных дощечках.

...– Мама, а что там за буквы? – спросил Себастиан, когда она повесила на дверцу эту табличку.

– Тут написано твое имя. Себастиан, – отступив назад, пояснила Марин, с восхищением разглядывая изящную надпись.

– Какие смешные буквы.

– Это волшебные буквы, – Марин подняла своего мальчика на руки и поцеловала, – для твоего волшебного шкафчика. Там ты будешь вешать свою курточку и хранить свои личные вещи, понятно? Никто, кроме тебя, ничего не будет класть туда.

Теперь и шкафчик, и вешалка всегда пребывали в полном порядке. Проходя по коридору, Марин коснулась курточки Себастиана, той самой, что была на нем в тот злосчастный день на рынке, той самой, что она носила в руках, потому что он слишком разгорячился после долгих блужданий по магазинам. Его курточка и резиновые сапожки по-прежнему оставались в шкафчике, эту традицию психотерапевт также

советовал ей изменить.

...– Разумеется, Марин, вам нет нужды от них избавляться, – мягко и доброжелательно произнес доктор Чен пару месяцев назад, – однако, возможно, вам самой стало бы легче, если б вы не видели постоянно его вещи. Может, лучше перенести и курточку, и сапожки в его спальню? Тогда вы сможете заходить туда и видеть их только при желании, а не сталкиваться с ними всякий раз при входе в дом.

– При чем тут столкновения? – возразила Марин, одновременно огорченно и непреклонно. Именно на том сеансе она задумалась о том, что ей пора заканчивать психотерапию. – Во всех местах, где бывал мой сын, остались зияющие пустоты, и у меня нет желания перемещать куда-либо его вещи.

Она не понимала, почему все пытаются заставить ее изменить жизнь, когда ей самой хотелось лишь сохранить ее в неизменности.

...Сняв туфли, Марин зашла на кухню, где пахло свежестью и чистотой. Когда Себастиан жил дома, она то и дело что-то готовила. Но больше ничего не готовит, и теперь, когда Дерек не бывало дома по несколько дней, в этом отпала необходимость. Она скучала по уютному беспорядку их семейной жизни. Даже с приходящей раз в неделю уборщицей наведенные ею чистота и порядок недолго оставались нетронутыми. Свидетельства присутствия Себастиана неизменно встречались повсюду. Крошки печенья на полу под столом в

кухне. Пятна от молока на кухонных стульях. Брошенные на лестнице детали из «Лего» и разнообразные машинки с красными колесами. Одинокiй носок, застрявший между диванными подушками. За прошедший год эти вещицы исчезли – не все сразу, но постепенно, по мере обнаружения, – и Себастиан уже не нарушал порядок. Именно поэтому никому не разрешалось прибираться в его шкафчике в коридоре или в спальне. Даниэла по-прежнему приходила по пятницам, но теперь она успевала прибраться за рекордно короткое время.

– Мэм Марин, вы не против, если я буду приходить раз в две недели? – однажды, через несколько месяцев после похищения Себастиана, застенчиво спросила Даниэла. – Ведь в доме сейчас не так много беспорядка.

– Нет-нет, продолжайте приходить каждую неделю. – Марин не хотелось, чтобы молодая женщина потеряла половину ожидаемого дохода. – Убирайте все, что необходимо, пусть даже вы успеете закончить уборку пораньше. Я все равно буду платить вам за целый день работы.

Чаще всего Даниэла работала в наушниках, в основном слушая музыку, но иногда она разговаривала по телефону.

– *Aquí ya no queda much(o) que hacer*, – услышала Марин однажды ее разговор по телефону, – *me siento mal de haber tomar su dinero*²¹.

...Марин заварила чай в большой кружке и забрала его наверх в семейную спальню, где, устроившись на огромной

²¹ Здесь больше нечего особо убирать. Даже неудобно брать у них деньги (*исп.*).

кровати, взяла свой ноутбук. Как и весь дом, спальня была прибрана профессионально, вплоть до идеально натянутых бамбуковых простыней. Не в первый раз Марин подумала, что могла бы считаться типичной богатой женщиной из романтической комедии Нэнси Мейерс²². Только в ее жизни нет ни романтики, ни комедии. И тут уж не до смеха.

Ее втянули в настоящую трагедию.

Как только ноутбук ожил, у Марин возникло искушение заглянуть на те нелегальные сайты, что так беспокоили доктора Чена. Но она решила пока отложить это. У нее появился другой интерес. Файл, присланный Ванессой Кастро, содержал в основном фотографии и записи звонков Дерека. К началу электронной таблицы детектив добавила одно замечание.

М. М. – у них в журналах слишком много сообщений, поскольку они также использовали для общения разные другие приложения (типа Вотсапа или Фейсбука). Рекомендую посмотреть приложение под названием «Шэдоу». Вы сразу поймете, заинтересует ли оно вас. – В. К.

Марин не стала открывать это приложение. Она уже знала, для чего оно предназначено. Однажды оно всплыло в раз-

²² Нэнси Джейн Мейерс (р. 1949) – известный американский кинорежиссер, сценарист и продюсер, удостоенная премий «Золотой глобус» и «Оскар», а также снявшая много популярных комедий, среди которых «Ловушка для родителей», «Чего хотят женщины» и др.

говорах группы поддержки, и Саймон пожалел, что не имел к нему доступа до того, как его дочь пропала. Приложение «Шэдоу» – программа, позволяющая родителям читать сообщения своих детей в режиме реального времени, без ведома самих детей. Любое сообщение, отправляемое и получаемое ребенком, загружается через приложение «Шэдоу» на родительский телефон. Саймон чертовски разнервничался, обсуждая его преимущества.

– Если б у нас тогда было это приложение, Брианна по-прежнему жила бы с нами. Она могла бы, конечно, возненавидеть нас за шпионаж, но осталась бы с нами.

«Шэдоу» имело спрос именно у родителей, поскольку для его работы «отслеживаемый» телефон должен быть оформлен на вашу фамилию. Дети обычно получают мобильники, подключенные к тарифным планам родителей. Вот почему такое приложение могло сработать на телефоне Марин. В начале их семейной жизни, когда у нее появился стабильный доход и приличный кредит, она первой завела мобильный телефон. Год спустя добавила к своему аккаунту номер Дерекса, и все эти годы они пользовались общим тарифным планом. Никому из них не пришло в голову, что имеет смысл разделить тарифные планы. В общем, все это время Марин могла проверять звонки мужа.

Но чего ради? Она не стала бы утруждать себя просмотром даже собственных телефонных записей, если только не сочла бы странной сумму ежемесячных счетов, чего никогда

не бывало, поскольку у них безлимитный интернет и максимальный тарифный план для звонков.

Марин скачала «Шэдоу», выбрав ежемесячную подписку. Годовая ставка стоила дешевле, но она не представляла, что приложение понадобится ей дольше, чем на пару недель. Заключительная часть настройки включала в себя несколько коротких шагов, для предоставления разрешения на доступ к номеру Дерека. Приложение интересовало также, хочет ли она отслеживать все сообщения Дерека или только с определенного номера телефона.

Марин помедлила, обдумывая эту опцию. Как и она сама, Дерек постоянно пользовался телефоном по рабочим делам, а это означало, что он получает тысячи сообщений в месяц. Сверяясь с данными файла Кастро, Марин сосредоточенно напечатала только номер телефона его любовницы и завершила настройку.

Она включила уведомления и ждала, пока приложение синхронизируется, отчасти дожидаясь также, когда закачается поток старых текстовых сообщений. Потом поняла, что не сможет узнать сообщения, отправленные до активации приложения. Досадное разочарование. Марин предпочла бы увидеть, как развивался роман Дерека с его любовницей. Вместо этого ей придется довольствоваться новостями, а они могут появиться не скоро, учитывая, что эти двое расстались в Портленде только сегодня утром.

Досье Кастро на любовницу Дерека оказалось менее ин-

формативным, чем надеялась Марин. *Разумеется*. Частный детектив совсем недавно узнала об их романе и не знала, попросит ли ее Марин копнуть глубже. По сути, имелась лишь краткая справка о жизни этой особы. Имелись ссылки на ее Инстаграм, Snapchat, Фейсбук и Твиттер, хотя последними двумя сетями она пользовалась редко. Когда Марин ввела ее адрес в гугл-карты, то определился жилой дом в Университетском районе. Также выяснилось, что она на полпути к получению степени магистра изящных искусств, со специализацией дизайнера мебели. До этого закончила колледж изящных искусств в Бойсе, штат Айдахо. У нее есть кот и сосед по квартире. А подрабатывала она баристой в кофейне «Грин бин».

Ее зовут Маккензи Ли.

Фотокопия водительских прав штата Вашингтон подтвердила, что ей действительно двадцать четыре года. Рост около метра восьмидесяти, вес шестьдесят килограмм, каштановые волосы и карие глаза. Фотография с водительских прав, сделанная два года назад, отличалась от фотографий, сделанных вчера в Портленде. Нынешний цвет волос у нее бледно-розовый, оттенка сладкой ваты.

Всего двадцать, офигеть, четыре. И розовые офигенные волосы. Марин сочла бы это забавным, если б эта интрижка не затрагивала ее семейные интересы.

Обнаружились и новые фотки, не показанные в офисе.

Снятые прошлым вечером длиннофокусным объективом

фотографии Дерека и Маккензи в отеле «Монако», – эти двое даже не опустили жалюзи на окне, будто готовы были объявить о своей связи всему миру.

Ее внешность. Теперь, у себя дома и без посторонних наблюдателей, Марин могла сосредоточиться на ее внешности и позволить откровенно выразить собственные чувства.

А чувствовала она ненависть. Чистую, всепоглощающую и ослепительно-белую ненависть. Марин возненавидела Маккензи Ли всеми фибрами души, не задействованными в чувствах вины, печали, депрессии и ужаса.

И – о боже, как же благотворна эта ненависть! Марин и не догадывалась, что такие негативные эмоции способны опять вдохнуть в нее жажду жизни.

Судя по записям с телефона Дерека, очевидно, что он общался с любовницей по телефону только в те дни, когда они не встречались лично. Два месяца назад между ними не было никакого мобильного контакта целых три дня. Марин проверила, где Дерек был в это время. Они вели «семейный календарь» и старались обновлять его данные, указывая даты деловых встреч друг друга. На той неделе ее муж уезжал в Нью-Йорк для пополнения капиталовложений. Четыре полных дня встреч с инвесторами на Манхэттене.

Марин открыла инстаграм Маккензи, публичный аккаунт без каких-либо ограничений приватности. Прокрутив множество выложенных фотографий, обнаружила кучу снимков за ту самую неделю. И среди них, приглушенные филь-

трами мягкого фокуса, живописные доказательства их поездки в Нью-Йорк, в виде фотографий Маккензи на фоне Эмпайр-стейт-билдинг и Рокфеллеровского центра. Искусно срежиссированная фотография застывшего горячего шоколада в легендарном кафе «Серендипити III»²³. А вот она взирает умильным взглядом на фирменную сумку от «Дольче и Габбана» в магазине «Блумингдейл»²⁴. Фотография возле бродвейского театра Ричарда Роджерса²⁵, где она ликующе показывает два билета на «Гамильтона»²⁶.

Млятский «Гамильтон». Марин еще не видела этот мюзикл.

Она не обнаружила ни одной совместной фотографии, хотя заметила кое-что знакомое на одном селфи, сделанном в последний день на пароме до Стейтен-Айленда. На этом снимке, на фоне статуи Свободы, запечатлелась улыбающаяся физиономия с развевающимися на ветру розовыми волосами. Ее плечи обнимала рука. Мужская рука. Обручаль-

²³ «Серендипити III» – кафе, основанное в 1954 г. Оно также служило бутиком, продающим единственные в своем роде модные и художественные предметы, и пользовалось популярностью у известных художников и деятелей популярной культуры – например, Мэрилин Монро.

²⁴ «Блумингдейл» – американская сеть универмагов, основанная в 1861 г.

²⁵ Театр Ричарда Роджерса, расположенный на одноименной улице, назван в честь американского композитора Ричарда Чарльза Роджерса (1902–1979), написавшего также музыку к сорока бродвейским мюзиклам; его музыка оказала серьезное влияние на музыкальную культуру США.

²⁶ «Гамильтон» – популярный американский мюзикл о жизни государственного деятеля США А. Гамильтона (1755/1757—1804).

ного кольца нет, рукава голубой рубашки закатаны до локтя, предплечье покрыто тонким ворсом золотистых волос, а на запястье поблескивает «Ролекс».

Даже без «Ролекса» – ее подарка на день рождения – Марин узнала бы *его* руку где угодно. Эта рука поддерживала и любила щекотать ее, на этой руке она порой засыпала... Марин физически помнила эту руку. Помнила все ее мышцы и вены, ощущение ее мягкого прикосновения к своей щеке, и запах кожи – чистый, мускусный, мужской.

Фотографию сопровождала подпись:

Первое путешествие по Нью-Йорку с сумкой (от «Дольче и Габбана»)!!! (Смотрите, как я веселилась там.) Спасибо, статуя Свободы и бэй!!!

Бэй? Что, черт возьми, такое «бэй»? Марин погуглила и выяснила, что, согласно Городскому словарю, это термин нежности. Он может означать «детка», «милашка» или аббревиатуру *before anything else*, то есть «прежде всего». Очевидно, что никому старше тридцати лет не пришло бы в голову использовать такое слово.

Эта фотография набрала более тысячи «лайков» и несколько десятков комментариев. Приятели Маккензи спрашивали одно и то же: «Кто этот таинственный парень?» Или: «Кто такой “Бэй”?» Она ответила только одному человеку, но без слов, с помощью улыбающихся смайликов с вы-

сунутым языком.

Если кровь человека способна закипеть, то у Марин она воспламенилась. Ее температура подскочила так высоко и стремительно, что она невольно подумала, не начался ли у нее жар. Но, как бы странно это ни звучало, всегда полезно знать, кто именно пытается разрушить твою жизнь. У человека, похитившего Себастиана, нет лица. Зато оно есть у женщины, пытающейся украсть ее мужа.

Телефон издал совершенно незнакомый рингтон, заставив ее слегка вздрогнуть. Проснулось приложение «Шэдоу». Значок уведомления рядом с иконкой приложения показывал, что поступило одно новое сообщение, и Марин с бьющимся сердцем открыла его, страшась того, что там могло быть, но все-таки заставив себя прочитать его. Она добавила Маккензи в список контактов этого приложения, так что ее имя появлялось там так же, как и на телефоне Дерека.

Поезд приехал на 10 минут раньше, так что успела на работу вовремя! Ура!! У нас суперлюдно, завалена клиентами. Ах!!! Уже скучаю. Напиши мне позже.

Марин облегченно вздохнула. Не так уж плохо. Эта девушка могла бы выдать нечто более откровенное в сексуальном плане. Хотя, если поразмыслить, ее послание похоже на легкомысленный повседневный треп, каким она могла бы обмениваться со своим... парнем.

Внезапно Марин осознала, что должна увидеть ее лично. Она отлично знала, где находится «Грин бин», точно помнила, как в юности частенько заглядывала туда выпить кофе. Она могла отправиться туда прямо сейчас. Представиться этой шлюхе. Встретиться с ней лицом к лицу. Устроить скандал. Опозорить перед коллегами. Выцарапать ее наглые прелестные глазенки.

Идея сама по себе ужасна. Марин понимала, что сейчас в ней бурлит изрядное количество кофеина и накачанного яростью адреналина, поэтому, возможно, теперь не лучший момент для публичного скандала с молодой любовницей мужа. Лучше подождать возвращения Дерека. Сначала поговорить с ним, узнать его точку зрения, выяснить, как он относится к этой девице. Может, между ними нет ничего серьезного. Может, отношения ограничиваются просто сексом. У мужчин же есть потребности, как сказал вчера милый Саймон.

«Без обид, но пошел ты подальше, Саймон».

Не давая себе времени передумать, Марин запрыгнула в машину. А когда выезжала из гаража, пришло сообщение от Сэла.

Жива еще?

Тормознув, Марин быстро набрала ответ:

Такой живой я уже давно не была.

Глава 7

Едва войдя в зал, Марин заметила розовые волосы этой длинноногой девицы, но потом она исчезла в задней комнате, утащив с собой объемистые мусорные мешки.

Огромный кофе-бар «Грин бин» больше походил на паб. Как и почти в каждой кофейне Университетского района, здесь полно клиентов, столики забиты студентами, маститыми хипстерами и полудюжиной начинающих писателей, на физиономиях которых отчетливо читалось то, что они глубоко сомневались во всех своих жизненных решениях. Марин вдруг осознала, насколько неуместно ее появление здесь. Ее каблуки слишком высоки, пальто слишком изысканно, макияж слишком идеален. Она выглядела как владелица элитного салона, где обслуживались исключительно знаменитые и богатые персоны, что в точности соответствовало ее нынешнему статусу. Но Марин понимала также, что выглядит хорошо. Именно так она и должна выглядеть. Внешность – ее единственная броня.

Она в равной мере охвачена яростью и ужасом.

Аромат кофе проникал в ноздри. Из установленных по всему залу динамиков неслась какая-то легкая музыка, гитарные и вокальные каверы «Нирваны» и «Перл джем»²⁷.

²⁷ «Нирвана» и «Перл джем» – ключевые группы музыкального движения гранж, пользовавшегося большой популярностью в первой половине 1990-х гг.

Она понимала причины бешеной популярности этого просторного, но уютного заведения. Круглые столы разных форм и размеров на шесть мест, прямоугольный стол на двенадцать мест, квадратные столики с четырьмя стульями. Пара диванов и ряд газовых каминов напротив стойки, а в дальнем углу – крошечная эстрада с какими-то стульями, микрофоном и усилителем. Вывеска у главного входа гласила, что по вечерам пятницы и субботы здесь исполняется живая музыка и что дежурным блюдом сегодня является овсяное печенье с изюмом и клюквой.

Марин встала в очередь за пятью другими клиентами. Обслуживание шло достаточно медленно, и она почти успела уговорить себя уйти отсюда. Сердце болезненно билось в груди. Ладони покрылись холодным потом. Розоволосая красотка куда-то пропала, но как только Марин приблизилась к стойке, она вдруг появилась, точно из ниоткуда, выскользнув из тех самых недр, где исчезла с мусорными мешками. Теперь, вместе с двумя другими бариста, она работала за стойкой, быстро перемещаясь на своих длинных и стройных, как у газели, конечностях; ее розовые волнистые волосы рассыпались по плечам, коричневый фартук туго обхватывал тонкую талию.

Вот она. Любовница Дерека. Она существует в реальности.

Казалось, прошла целая вечность, прежде чем Марин наконец подошла к стойке, отчасти надеясь, что ее заказ при-

мет другая бариста. Но, увы, не судьба. Маккензи, выдав клиенту перед Марин тарелку с итальянским бискотти²⁸, ожидающе взглянула на нее.

Оценив супермодельный рост Маккензи, Марин, несмотря на высокие каблуки, почувствовала себя старой коротышкой, глядя снизу вверх на молодую любовницу своего мужа. Да, в реальной жизни все по-другому. На экране компьютера Маккензи оставалась всего лишь кадром, и Марин могла уничтожить ее, со злорадством, без возможности восстановления. Лицом к лицу, однако она едва сумела заставить себя посмотреть ей в глаза.

И вот их взгляды встретились. Марин собралась с духом, готовясь к тому, что сейчас ее узнают, к взгляду страха или смущения, или тому и другому, что наверняка хоть на мгновение промелькнет в глазах соперницы.

Однако выражение лица Маккензи не изменилось. Ее улыбка не увяла. Щеки не вспыхнули. Взгляд остался неизменным.

– Что я могу вам предложить? – звонко спросила она.

Марин открыла рот, собираясь сказать: «Мне нужно лишь, чтобы ты перестала трахаться с моим мужем. Нужно, чтобы ты, западающая на чужих мужей шлюха, держалась от него подальше, иначе я убью тебя».

Но эти слова застряли у нее в горле. Вместо этого она услышала, как заявила приятнейшим голосом:

²⁸ Бискотти – сухое печенье с характерной длиной и изогнутой формой.

– Двойной ванильный латте, пожалуйста, без соевого молока и без пенки. И ваше печенье дня.

Маккензи написала золотым маркером какие-то буквы на боку коричневого бумажного стаканчика. Почерк у нее изящный и легкий, его большие буквы далеко простирались за границы рамок, проштампованных на стакане. Она пробила заказ. Назвала общую сумму. Взяла протянутую десятидолларовую банкноту, выдала сдачу и поблагодарила, когда Марин отправила всю мелочь в банку с чаевыми. Затем поставила перед ней пакетик с печеньем.

– Ваш латте будет ждать вас в конце стойки. Приятного аппетита.

Марин прошла дальше, сжимая печенье, все еще теплое в восковом бумажном пакете. С каждым шагом она ощущала себя все более мелкой, незначительной, беспомощной. В течение шести месяцев эта красотка спала с ее мужем. В то время как сама Марин скорбела, винила и кляла себя, занимаясь самолечением с помощью таблеток и алкоголя, Дерек занимался самолечением... с ее помощью. Шесть месяцев... но она, похоже, понятия не имела, кто такая Марин.

Когда Маккензи спустя несколько минут выдала ей латте, их взгляды снова встретились. И опять – ни малейшего признака узнавания. Марин вдруг вспомнилась одна сцена из ее любимого фильма «Принцесса-невеста»²⁹. В которой Макс-

²⁹ «Принцесса-невеста» – романтическая комедия, снятая в 1987 г. актером и режиссером Р. Райнером.

Чудотворец говорит Иниго: «Если я вылечу его, Хампердинк будет страдать?» А Иниго отвечает: «О да, это будет огромное унижение!»

Эти воспоминания заставили Марин улыбнуться. Она вспомнила, с каким волнением собиралась однажды посмотреть это кино с Себастианом, не сомневаясь, что сказка ему понравится, когда он станет достаточно взрослым, чтобы понять все шутки. Теперь ей уже не смешно. «Огромное унижение» – название ее будущих мемуаров.

Взяв кофе и печенье и проскользнув за столик у окна, Марин села лицом к стойке. Она открыла свой компьютер, на экране которого все еще висели фотографии Маккензи. Да, в реальности любовница ее мужа выглядела немного менее совершенной. Бледно-розовые волосы, казавшиеся блестящими на фотографиях, на самом деле были суховатыми и плохо покрашенными. К тому же Марин заметила сантиметровую полосу натурального темно-каштанового цвета возле корней. Волосы явно пришлось высветлить почти до белизны, а потом уже покрасить в пастельно-розовый цвет, что в итоге сильно повредило их структуру. В салоне проводят процедуры восстановления и возвращения блеска окрашенным волосам. Если б они дружили, Марин не задумываясь предложила бы ей помощь. Но между ними не могло быть никакой дружбы.

Только вражда. Непримируемая вражда.

Для любого случайного наблюдателя Марин выглядела

обычным человеком: она потягивала кофе, просматривая разнообразные данные в интернете. За исключением того, что просматривались исключительно ограниченные данные. Она разглядывала фотографии баристы, хотя сама эта бариста, черт бы ее побрал, маячила прямо перед ней. Марин бросила бы вызов любому, кто осмелился бы судить ее, не пережив столь подлую измену. Если вас не постигло несчастье предательства, то вы не в силах постичь его во всей полноте.

Все, чего не хватало в заметках Кастро, восполнил инстаграм Маккензи Ли. Все свои фотки она сопровождала хэштегами, рассказывая миру, что она – художник, книголюб и чаеман и что, выходя отдохнуть с друзьями, предпочитает ароматное живое пиво местного розлива. Снимки кота по кличке Бьюфорд, всклокоченной твари с громадными ушами и водянистыми глазенками, появлялись примерно раз в неделю под хэштегами *#Непокунайтеберитевприютах*. Кензи делала множество селфи, обычно ради хвастовства, показывая новый наряд с блошиного рынка или обновленный цвет волос, что прекрасно воспринималось, поскольку все ее подписчики обменивались откровенно дерзкими селфи, просто подтверждая всем понятный нарциссизм этих самых селфи. Любимым хобби Маккензи было перепрофилирование старой мебели: она создавала оригинальные проекты и продавала их через «Маркетплейс», приложение Фейсбука. Она обожала запойно смотреть фильмы и развлекательные

программы по интернету и, видимо, с легкостью делилась самыми примитивными подробностями своей жизни с совершенно незнакомыми людьми. Даже проснувшись с опухшими красными глазами и выходя, откровенно говоря, ужасно, она, верная самой себе, выложила селфи, сопроводив его комментарием: «*похмелье*». И ее подписчикам это нравилось. Похмельная фотка собрала две тысячи лайков.

У нее набралось более *пятидесяти тысяч* подписчиков. *Пятьдесят тысяч* человек волнуют посты Маккензи Ли. Аккаунт салонов Марин в Инстаграме, для сравнения, набрал едва ли половину от этого числа, зато сам бизнес за прошлый год принес более 3 миллионов долларов.

Эта особа олицетворяла все, что возмущало Марин в молодом поколении. Вся жизнь этой женщины задокументирована в интернете, за исключением женатого любовника. Но вряд ли люди продолжали бы так любить ее, если бы узнали, какая она на самом деле. То и дело на ее страничках появлялись намеки на таинственного воздыхателя в жизни Маккензи, но только намеки.

Марин с удовольствием предложила бы ей для начала несколько хэштегов: *#разрушительницасемей*, *#иллюха* и *#охотницазабогатством*.

Печенье ее не привлекло. Она долго прихлебывала латте, но не могла ничего сказать о его вкусе, поскольку потеряла само чувство вкуса. По-прежнему ощущала во рту лишь металлический привкус. Привкус предательства, как оказа-

лось, отдавал грошовой медью.

Любовница ее мужа маячила около кофеварки, наливая сливки, молоко и наполняя контейнеры салфетками. Метрах в трех. Марин сидела в напряжении, задерживая дыхание в ожидании того, когда Маккензи взглянет на нее и наконец поймет, кто она такая. Но эта особа ни разу не глянула в ее сторону. Как будто Марин и не было в кофейне.

Как будто ее вовсе не существовало.

Зато Марин отлично осознавала существование Маккензи. В каком-то смысле она и раньше знала о ее существовании, просто не хотела признавать его. Любовница Дерка незримо присутствовала в жизни Марин уже шесть месяцев. Именно из-за нее он скрытно писал сообщения и стал вдвое дольше пропадать в командировках, и именно из-за нее в своих деловых поездках практически не общался с Марин.

Но жить в отрицании очевидного легче, чем противостоять ему. Отрицание подобно защитному пузырю, который оберегает твою уязвимую душу от болезненных царапин, укусов и ожогов.

Телефон мурлыкнул: снова ожило приложение «Шэдоу». Она еще не успела привыкнуть к этому новому сигналу. Дерек наконец-то ответил на раннее сообщение Маккензи, и Марин прочитала его, испытывая приступ тошноты.

Я тоже по тебе скучаю, мальшика. День прошел в полном безумии, не помешало бы мне немного развлечься с моей кра-

соткой. Вернусь в Сиэтл к семи, уже сделал бронь в нашем любимом отеле, если ты готова...

ДА-А!!!!!

Дежурная улыбка молодой распутницы растянулась от уха до уха. Она не имела конкретной направленности, и ее очевидная радость, точно незримая грозная рука, обхватила бьющееся сердце Марин и сжимала его, как воздушный шарик. По одному сжатию на каждый восклицательный знак.

Дерек должен был вечером вернуться домой. Понимает ли Маккензи, что ради развлечения с ней ему придется соврать жене? И беспокоит ли ее это? Может, как раз такое качество и привлекает ее в мужчине? Даже если Маккензи не знала Марин лично, она наверняка знала, что он женат. Если она когда-нибудь гуглила имя Дерекa – а какая современная дуручка не поискала бы в интернете партнера по сексу? – то в первую очередь могла наткнуться на его биографию, где, естественно, всплыло и имя Марин. И понятно же, что еще там могло всплыть...

Новости об их пропавшем сыне. Пятнадцать месяцев назад его история была самой нашумевшей в городе. Нельзя загуглить имя Дерекa или Марин, не увидев в первых же пяти просмотрах фотографию Себастиана на постере с пропавшим ребенком.

#лгунья. #разрушающая семью блудница. #иллюха.

Маккензи стояла всего в паре метров от нее, держа в руках кофейник и мило болтая с клиентом. Постоянным, судя по

непринужденности их общения. У Марин возникло искушение сделать фотку и отправить Дереку. Подписи не потребуются. Пусть просто посмотрит на нее, пусть его сердце заколотится, когда он поймет, что видит, осознав также, что то же самое видит и его жена. Славный бы получился сюрприз!

Однако она ничего не сделала.

– Вам добавить?

Вздрогнув от неожиданности, Марин захлопнула свой ноутбук, прежде чем Маккензи успела заметить, что экран компьютера заполняли ее фотографии. Сейчас, сидя за столиком, Марин показалось, что она недооценила рост и стройность этой красотки. В падающем из окна свете ее лицо выглядело свежим и непорочным. Правда, нос пестрел крохотными веснушками, которых Марин не заметила за стойкой, однако весьма скромный макияж ограничивался блеском для губ и чуть подкрашенными тушью ресницами. А больше ей и не требовалось. Ее золотисто-карие глаза поражали каким-то кошачьим разрезом. Все ее существо излучало быющую через край жизнь. Экзотичную жизнь.

Она стояла с кофейником прямо перед Марин, в ожидании глядя на нее с дежурной улыбкой. Впервые в жизни Марин чувствовала себя на редкость безликой и незаметной. И когда их взгляды вновь встретились, ее подозрения только подтвердились. Эта бариста, судя по всему, понятия не имела, кто она такая.

– Я... гм... уже заказала латте. – Марин почувствовала,

как вспыхнули ее щеки, но если эта особа и заметила ее смущение, то не показала вида.

Отведя глаза, Марин опустила взгляд в свой большой бумажный стакан, уже опустевший. От печенья остались только крошки. Она совершенно не помнила, как слопала еще и печенье, но, видимо, в беспамятстве заедала нервный стресс, поглощенная просмотром аккаунта в Инстаграме.

– Все в порядке. Любой наш клиент при желании получает бесплатную добавку. – Маккензи подняла кофейник чуть выше. – Только что заварили. Это наш фирменный кофе, средней обжарки. Практически всем он нравится.

Марин подвинула вперед свой стакан. Ее руки уже подрагивали. Она и так перебрала с кофеином и не собиралась пробовать новый кофе.

– Пожалуй, может быть, только на пробу...

Молодая женщина, казалось, блаженно не замечала дискомфорта Марин, наливая кофе, и ее жизнерадостное блаженство выглядело одновременно абсурдным и невыносимым. Ведь Марин знала, что привело ее в такое хорошее настроение. Ей известны планы этой шлюхи на сегодняшний вечер. И она понимала, что сейчас Маккензи мечтает о встрече с Дерекком.

Ей хотелось вскочить, выхватить кофейник и выплеснуть его содержимое на Маккензи. Хотелось услышать, как завопит от боли эта распутница, когда обжигающая жидкость брызнет на ее смазливое личико. Хотелось вцепиться в обо-

жженное влажное лицо, расцарапать глаза, вырвать волосы, сделав внешность любовницы мужа такой же уродливой, как ее извращенная натура. Хотелось разрушить ее жизнь так же, как она разрушала жизнь Марин, как она разрушала саму Марин.

«Ненавижу тебя. Как же я тебя ненавижу».

Конечно, она не ничего не сделала – и продолжала спокойно сидеть, тихо страдая.

– Красивое кольцо, – Маккензи, улыбаясь, посмотрела на руку Марин. – Если я когда-нибудь выйду замуж, то мне хотелось бы нечто подобное.

Запредельная наглость. Марин пришлось собрать в кулак все остатки силы воли, чтобы не ударить молодую распутницу по счастливой, улыбчивой физиономии.

«Ты, разрушающая семью шлюха, проститутка, сука, блудница, я готова убить тебя, выхватить чертов кофейник из твоих рук, разбить его и изрезать острыми краями стекла все твое блудливое личико и...»

Но мысли остались только мыслями, и к тому времени, как они промелькнули, Маккензи, виляя узкими бедрами, удалилась со своим кофейником в глубину зала. Теперь, чтобы изувечить соперницу, Марин пришлось бы бежать за ней, но она осознала, что никогда так не поступит. Приличие и воспитание не позволяли ей дать волю своим чувствам, к тому же публичное унижение любовницы ее мужа стало бы публичным унижением для нее самой.

«Огромное унижение».

Вновь мурлыкнуло приложение «Шэдоу». Маккензи просто отправила Дереку фотку. Изображение трудно разглядеть сразу, но явно видны человеческие очертания. У Марин перехватило дыхание при мысли о том, что Маккензи могла послать Дереку фото его жены, так же, как сама Марин чуть не послала ему фото его любовницы.

Но послана не фотка Марин. Послано селфи. Фотка голой Маккензи. Полностью обнаженной, с головы до колен.

Щелкнулась утром перед уходом. Скромный анонс грядущего...

Коснувшись изображения, Марин увеличила масштаб.

Маккензи только что вылезла из душа. Запотевшее зеркало слегка протерто, и отражение четко показывает лишь плоский живот с маленьким втянутым пупком. Тем не менее отлично видны и бледно-розовые соски, и цветочная татуировка, струящаяся по боку от груди до бедра. Марин не знала, что у нее есть татуировка, – либо она недостаточно внимательно смотрела, либо эта шлюха не показывала ее на своих фотках в Инстаграме. И теперь стало ясно, что волосы у нее остались только на голове.

Они обе ждали отклика Дерека. Маккензи с телефоном в руке зависла возле кофемашины, но подошедший клиент вынудил ее убрать аппарат.

Голые селфи? Однако! Неужели она хранит их в телефоне и отправляет в подходящие моменты?

#ненавижутебя.

Приложение «Шэдоу» отследило сообщение. Маккензи все еще занята со своим клиентом и не могла пока проверить свой телефон, так что Марин первой прочитала ответ своего мужа любовнице.

Я готов облизать тебя с ног до головы.

А Марин готова убить ее.

Глава 8

– Я знаю одного парня, – несколько часов спустя сообщил ей Сэл, – он занимается устройством сомнительных делишек, стоит чертовски дорого, зато после него не останется никаких следов. Хочешь, дам его телефон?

Сэл Палермо был даже не уверен, не пошутила ли Марин, но в любом случае был готов помочь. Он понимал ее. На первый взгляд казалось, что между ними нет ничего общего. Он успел отсидеть в тюрьме, от случая к случаю приторговывал наркотой (у него всегда имелись в запасе оксикодон и викодин, и он мог быстро достать три вида марихуаны) и владел баром, который пользовался дурной славой. В юности, учась в колледже, они вполне серьезно встречались целый год. И сейчас, более двух десятилетий спустя, оставались лучшими друзьями. Они познакомились, когда им было лет по двадцать, и Сэл ей всегда нравился как мужчина. И хотя Марин никогда не любила его, она не стремилась разбить ему сердце.

– Я пошутила, – вяло пробурчала она.

– А я серьезно, – быстро парировал он, и впервые, казалось, за целую жизнь, она рассмеялась.

Марин подтолкнула к нему опустевший бокал. Только что выпив коктейль с амаретто, она захотела добавки. Такой своеобразный «Амаретто сауэр» она пила только на встречах

с Сэлом. В других случаях предпочитала красное вино.

– Повтори.

В баре Сэла – да, именно так он назвал его – как обычно, было сумрачно и дымно. Это питейное заведение находилось рядом с футбольным стадионом и пользовалось популярностью по двум причинам: дешевое пиво по вечерам с матчами (нет уж, увольте) и картошка фри с пармезаном и чесночным соусом (побольше соуса, пожалуйста). Раньше заведение называлось «Домом Фреда», и в колледже все они приходили сюда выпить по выходным, потому что старина Фред обращался с ними так, как будто они по праву заглядывали к нему в Дом, – он никогда не требовал документов. А потом Фред умер от сердечного приступа во время воскресного футбольного матча.

Отец Сэла умер три месяца спустя. К тому времени, благодаря неумелому управлению сыновей Фреда, бар успел потерять клиентов, и дела шли из рук вон плохо. По просьбе Сэла после похорон и поминок они отправились в этот бар, и Сэл, глотнув текилы и запив ее пивом, подошел к сыновьям и предложил купить это место. Поначалу они не восприняли его всерьез, подсадовав на пьяную наглость студента и его громогласных друзей. Но Сэл объяснил, что унаследовал достаточно денег, чтобы купить их заведение сразу, за наличные.

Через неделю они оформили сделку. После подписания документов Сэл покинул университет, и никто из них не уди-

вился: его оценки были в лучшем случае неутешительны, и единственное, что он ненавидел больше, чем отца, это учебу.

Сэл-старший, потомственный итальянский винодел, разозлился бы, узнав, что его единственный сын, отказавшись работать на фамильный бизнес, купил бар в городе. *Если бы узнал.*

Казалось довольно круто, что бросивший колледж студент купил тот самый бар, где раньше напивался после экзаменов, однако, оглядываясь назад, это выглядело не менее круто, чем женитьба Марин и Дерека сразу после выпускных экзаменов. Легче принимать спонтанные, меняющие жизнь решения, когда ты молод, безрассудно смел и тебе нечего терять. К счастью, Сэл оказался вполне приличным бизнесменом, и в районе, где бары и рестораны зарождались так же легко, как и умирали, «Бар Сэла» до сих пор жил и приносил прибыль.

Марин и Сэл еще жили вместе, когда он купил этот бар, и она не одобряла покупку. Считала это очередной безрассудной затеей, и к тому же пыталась убедить его закончить колледж. Они много спорили об этом, но, честно говоря, спорили они постоянно. Споры, ссоры и секс определяли их отношения. Секс, по воспоминаниям Марин, был великолепен. Споры и ссоры во многом ему уступали. Они лучше общались как друзья.

– Как думаешь, если я прикончу ее, то выживу в тюрьме? По-моему, выживу. Я ведь могу быть крутой стервой. Навер-

ное, мне удалось бы быстро взять в свои руки управление этим заведением... – Второй коктейль она выпила быстрее первого и опять коснулась бокала. – Смешай мне еще.

Сэл выразительно глянул на нее, и Марин поняла, что ему не нравится ее поведение: он не одобрял то, как быстро она напивалась. Ему приходилось видеть ее в таком состоянии – бывало, она теряла контроль над собой, шла вразнос, доходя до грани беспамьятства, но никогда не делала этого в общественных местах. Он переживал за нее.

– Я не сяду за руль, – Марин закатила глаза, – расслабься.

На самом деле, придя в бар, она сразу так и сказала: что поедет домой на такси и что ей нужен коктейль – вернее, коктейлей пять-шесть.

Сэл, не предполагая, что случилось нечто серьезное, спросил, не оставила ли она опять свой внедорожник в магазине.

Да, уместный вопрос. Три года назад Дерек подарил ей на день рождения «Порше Кайен Турбо», и эта машина бывала в мастерской чаще, чем ее хозяйка – у врачей. С этим кроссовером у Марин сложились отношения любви-ненависти. Она была в восторге, когда, открыв дверь их дома утром в свой сороковой день рождения, увидела этот подарок, припаркованный на подъездной дорожке, под максимально выигрышным углом, – жемчужно-белое блестящие чудо, украшенное гигантским красным бархатным бантом. Пара соседей вышли посмотреть, из-за чего вся эта суета, но, учитывая район, в котором они жили, это была не такая уж невидаль.

Уже не первый раз за этот год кто-то на их улице получал машину в подарок.

В тот день Марин узнала две новости. Во-первых, дилер бесплатно обеспечивал покупателей лентами. И что красная лента с бантом, размером с куст гортензии, ни на что не годится, кроме презентирования подарка; однако эти сделанные на заказ банты стоили дорого, поэтому дилер забирал их обратно, как только машину доставляли получателю. Во-вторых, никто на самом деле не покупал никому машину. Дерек не заходил в автосалон и не выплачивал шестизначную сумму со своей кредитки. Он арендовал машину на четыре года от имени супруги. Автомобиль квалифицировался как бизнес-расходы, как то, что она могла списать и чем не имело смысла владеть вечно, учитывая обесценивающиеся активы. Но Дерек заранее заплатил депозит, списание и налоги, оформил бумаги и выбрал цвет. Он подумал, что ей понравится жемчужно-белый, и не прогадал.

Так поступали богатые люди. Если они могли что-то профинансировать, то финансировали. Все дело в максимизации денежных потоков; долг – всего лишь цифры на бумаге. Вот почему Марин толком не знала, как относиться к такому «подарку». Может, считать его только наполовину своим? Они сделали милое фото – один из соседей сфотографировал их сидящими на капоте, похожих на претенциозных придурков, пока Дерек целовал ее в щеку. В тот год эта ее фотография в Фейсбуке стала самой популярной.

Шел третий час дня. Ей следовало бы вернуться домой и забыться сном после утренней слежки в кофейне, но она еще немного покаталась по городу, пытаясь прочистить голову. Мысли становились все мрачнее, и вместо того, чтобы испугаться, она начала находить в них утешение.

Марин начала представлять, что Маккензи Ли исчезла. Представляла, как может исчезнуть Маккензи Ли.

...– Мне не верится, что ты вообще рискнула пойти в ее кофейню, – заметил Сэл. – Это, в каком-то смысле, весьма рискованный акт преследования.

– Это вовсе не ее кофейня. Она там просто работает. – Марин постучала ногтями по своему пустому бокалу, напоминая, что уже просила добавку. – Мы можем отправиться туда прямо сейчас, если тебе хочется взглянуть на нее.

– Вот уж нет, черт побери, – резко ответил Сэл, впервые глянув на нее с явным возмущением, – мы не пойдем туда, и ты тоже больше не пойдешь туда. Никогда! Понятно? Держись от нее подальше. Даже не думай разговаривать с ней. На первом этапе решения проблемы надо точно понять, что именно представляет собой эта самая проблема. Или, в данном случае, *кто* ее представляет. Ведь все дело в том, что ты замужем за изменником. Уж если кого-то убивать, то именно его.

Марин слушала, но ничего не слышала. После еще одного прицельного взгляда и очередного постукивания по пустому бокалу Сэл вздохнул и принялся смешивать очередной кок-

тейль.

Марин частенько задумывалась о том, что случилось бы с ними, если бы она не встретила Дерека. Роль девушки Сэла оказалась сложной. У него было трудное детство, его душу раздирали демонические страсти. Демоны ничему не мешали, однако она не могла смириться с отсутствием у него целей в жизни. С ним было весело, но жизнь его шла беспорядочно и бесцельно. Он ненавидел учебу и, казалось, не имел вовсе никаких амбиций, никаких целей, кроме тех, что планировал на выходные... а иногда не планировал даже их. Это безумно раздражало Марин.

Они всерьез поссорились после смерти его отца, после того как Сэл купил бар, и решили разбежаться по обоюдному согласию. Они и раньше крупно ссорились и даже разбегались, но в тот последний раз Сэл пребывал в какой-то тревожной мрачности. Отношения стали чертовски напряженными. Ей нужно было вздохнуть свободно. Поддавшись внезапному порыву, Марин уехала на выходные с компанией подруг в Кабо-Сан-Лукас³⁰ – и встретила там Дерека. Они немного знали друг друга; у них были общие знакомые, и они явно симпатизировали друг другу, но ни о каких отношениях не могло идти речи, пока у нее был парень. Но в эту поездку она поехала формально одна, а Сэл и его демоны остались в двух тысячах милях от нее. И тогда вдруг Марин осознала, что нашла родственную душу: Дерек был так же

³⁰ Кабо-Сан-Лукас – один из популярных мексиканских морских курортов.

амбициозен, как и она, и у него имелся четкий план того, какой он хотел видеть свою будущую жизнь. Больше всего Дерек привлек ее своей заразительной целеустремленностью.

К концу выходных она поняла, что ей нужен именно такой человек, как Дерек. И поняла, что такого чувства она никогда не испытывала с Сэлом. Когда Марин вернулась из Кабо, Сэл захотел снова сойтись и, по правде говоря, имел полное право ожидать этого – ведь ссоры и примирения вошли у них в привычку. Но на сей раз все вышло иначе.

– Я встретила кое-кого.

Она еще даже не распаковала вещи. Только успела вернуться домой поздно вечером, а Сэл захотел зайти к ней. Но вместо этого Марин предложила встретиться в их любимой круглосуточной закусочной. «Франкенштейн» находился в трех кварталах от квартиры, которую она делила с двумя другими девушками, и когда она пришла туда, с еще мокрыми после бодрящего душа волосами, он уже сделал заказ для нее. То, что она обычно заказывала: яйца, картофельные оладьи, бекон и пшеничные тосты.

– Встретила кое-кого? Кого же?

Марин рассказала о Дерекe.

– Значит, ты завела интрижку, – Сэл поморщился. – Мне тошно при мысли о том, что ты флиртовала с кем-то, но, видимо, я не вправе злиться, учитывая, что мы расстались. Хотя мне обидно.

– Сожалею.

Но она ни о чем не жалела. Роман с Сэлом закончился для нее в тот момент, когда она поцеловала Дерека.

– Лучше скажи ему, чтоб отвалил, и возвращайся ко мне, – Сэл схватил ее за руку. – Мар, ведь мы любим друг друга. Мне никто не нужен, кроме тебя. Мы можем все исправить. Я знаю, что вел себя... странно после смерти отца. Но это в прошлом. Я могу стать лучше.

– Сожалею, – повторила Марин и, слегка пожав его руку, высвободилась. – Мне хотелось бы, чтобы мы остались друзьями. У нас с тобой разные интересы. У тебя теперь есть бар. А мы с Дерексом через несколько месяцев закончим колледж. Все теперь... изменилось. И, возможно, так и должно быть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.